

СТЕФАН ПИПА

penthouse

18+

Стефан Пипа

Penthouse

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Пипа С.

Penthouse / С. Пипа — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Кароче. Встретились двое в психбольнице. У одного - амнезия. Другой неоднократно пытался покончить жизнь самоубийством, но ему мешали его родственники. И вот они решили поменяться местами. Первый ничего не помнит и ему без разницы, кем жить дальше. А другой наконец-то совершит акт самоубийства так, чтобы никто не догадался о его смерти. Ведь вместо себя он оставит товарища с амнезией. Вот так все начинается. А что из этого получилось, читайте в книге.

Содержание

Смыслы	5
Эпиграф	6
Часть первая	7
Тетрадь цвета сирени	8
16-ое июня, понедельник	9
Тетрадь цвета ореховой скорлупы	43
16-ое июня, понедельник	43
17-ое июня, вторник	55
Конец ознакомительного фрагмента.	61

СМЫСЛЫ

penthouse
[penthaus]

- 1) тент, навес над дверями.
- 2) фешенебельная квартира, особняк на крыше небоскреба; пентхаус.
- 3) надстройка на крыше¹.

¹ Употребляя слово «крыша», мы также рассматриваем его как сленговое и включаем в него следующие лексические значения: ум, голова, здравый смысл, рассудок.

Эпиграф

День хорош, мир хорош,
Все найдешь, все возьмешь.
Все вертится².

² «АукцЫон»

Часть первая

Каждый из нас выводит гулять свою мысль впереди себя, как обезьяну на поводке. Когда читаешь, имеешь дело с двумя такими обезьянами: одной своей и одной чужой. Или, что еще хуже, с одной обезьяной и одной гиеной. Вот и смотри, чем кого накормить. Ведь вкусы у них разные...³

³ Неизвестный хронист, на которого ссылается Милорад Павич в романе «Хазарский словарь»

Тетрадь цвета сирени

Ему снилось, что он бежит по полю.

Радостно и взаллеб.

Он бежит, раскинув руки в стороны, словно стремясь обнять весь мир. Он бежит, подняв лицо к небу и широко раскрыв глаза. И ветер дует ему в спину. И когда он, делая следующий шаг, отрывается от земли – он летит. Недолго, но летит.

Он бежит, потому что не может не бежать. Так же, как художник, который всем своим сердцем чувствует сильное желание воссоздать на холсте то, что он видит перед собой, не может не рисовать. Так же, как писатель, который всем своим сердцем чувствует сильное желание запечатлеть на бумаге образ, возникший в его голове, не может не писать.

Ему захотелось бежать. И он бежит, глубоко вдыхая полной грудью весь этот мир, чувствуя его всем своим телом, каждой своей клеткой. И от этого становится радостно.

Из его души вылетает звонкий смех.

Он бежит и дарит свою радость этому миру.

Рядом с ним, то обгоняя, то отставая, несется породистый немецкий дог платинового окраса размером с небольшого теленка. На шее у этого пса в такт его бега болтается золотая монета, прикрепленная к кожаному ошейнику, усеянному блестящими камушками.

И они бегут вместе.

Но это лишь сон. Он знает об этом, потому что видел эту картину неоднократно. Видел всю – от ее начала и до ее завершения. И он прекрасно знает, чем все это закончится. Чем закончится его БЕГ.

Закончится очень быстро. И он наслаждается последними мгновениями своего СЧАСТЬЯ.

Он разбежался, прыгнул с невысокого пригорка и, приземлившись, по пояс влетел в трясину болота. Этот эпизод сна тоже был настолько хорошо знаком ему, что уже давно не вызывал ни удивления, ни страха.

Трясина, ощутив тяжесть жертвы, с громким бульканьем и чавканьем принялась его засасывать. И, когда дог приблизился к краю болота, на поверхности зыбкой топи была видна лишь голова его хозяина.

Пес ничего не мог сделать, кроме как беспокойно бегать туда-сюда вдоль берега, поскуливая на все лады, и время от времени приседать, а потом продолжать свои хождения возле исчезающей в бездонном болоте человеческой головы.

Нос и рот уже облепила прохладная грязь, но он мог дышать, ведь это сон, и все еще видеть, как верный пес нетерпеливо ожидает его на берегу. Ему показалось – собака решила, что это игра, и ей всего лишь хочется продолжить стремительный БЕГ, и она просто ждет, когда же хозяин вылезет из болота. Пес не понимает, что по прошествии нескольких секунд его хозяин исчезнет, и он больше никогда его не увидит.

Впрочем, собаке будет все равно.

После того, как исчезнет в болоте макушка человеческой головы, пес посидит немного возле берега, потом почешет себе за ухом, пойдет туда, куда глядят его собачьи глаза, забудет о случившемся ровно через десять секунд и будет бесцельно бродить по своему черно-белому миру.

Но он не увидит продолжение сна, потому что прохладная грязь уже поднялась на уровень глаз и закрыла для него этот мир.

Наступила тьма. И он проснулся.

16-ое июня, понедельник

Проснулся, открыл глаза и не смог понять, где он. Чтобы внести ясность в пространственную ориентацию, принял полусидящее положение и увидел, что находится в незнакомой ему кровати, плотно придвинутой к стене справа.

В метрах трех перед собой он обнаружил стену, украшенную довольно большой картиной.

Художник изобразил двор дома. В центре стоит изможденная, с потупленным равнодушным взглядом, грустная молодая девушка в потрепанном платье. Рядом с ней – интеллигентный господин в длинном сюртуке, черной треуголке и с тростью. Его правую руку благоговейно и искренне целует женщина в белом чепчике, видимо, мать девушки. Наверное, этот милостивый благодетель был инициатором ее освобождения.

Другой человек, скорее всего по приказу господина в треуголке, суетливо снимает с девушки цепи. Избавления от тяжелых оков ожидают и другие, ей подобные, которых живописец изобразил прикованными к деревянным столбам. Или им было все равно?

Понятно было одно – в те отдаленные времена воспроизведенное на картине событие не получило какой-либо однозначной оценки в обществе. Об этом свидетельствовала окружающая главных действующих лиц многочисленная толпа людей в разнообразных позах и с разными выражениями лиц: негодующими и удивленными, испуганными и радостными.

Хотел более подробно рассмотреть картину, в том числе и второстепенных персонажей, но решил оставить это занятие «на потом», а в первую очередь все-таки определить, где же он сам сейчас находится.

Поэтому продолжил осмотр помещения, отталкиваясь от исходной точки – картины на стене.

Прямо под картиной расположился современной модели комфортный диван желтого цвета.

Справа от картины, в той же стене, у которой стояла его кровать, он увидел высокую белую двустворчатую дверь.

В центре комнаты, как раз напротив картины, находился большой круглый стол, окруженный беспорядочно расставленными пятью табуретками.

Возле противоположной ему стены перпендикулярно к ней и рядом с высокими широко открытыми зарешеченными окнами стояли две такие же, как у него, кровати. На одной из них сидел задумчивый человек в спортивном костюме и тапочках на босу ногу. Возле этих кроватей, как и возле своей, он заметил небольшие тумбочки с ночниками.

На улице, на фоне искренне радостного щебетания птиц, ярко светило утреннее солнце.

Свой обзор он завершил взглядом вверх. Свежевыбеленный потолок находился неприлично для него высоко – где-то под метра три.

Обстановка ни о чем знакомом не напоминала. Решетки на окнах смутно ассоциировались то с медвытрезвителем, то с психиатрической лечебницей, а то и с секретной лабораторией службы безопасности.

«Хотя... решетки в наше время ставят всюду. Это – не показатель», – подумал он. Но все же ощущение казенного быта, несмотря на привлекательность интерьера, укоренилось в нем.

Больше вариантов не было. И он решил пойти другим путем – вспомнить во всех подробностях все, что делал вчера: от начала до завершения дня. Таким образом надеялся выстроить последовательную цепочку событий, в конце которой предполагал увидеть место, где он остался ночевать.

Но файлы и папки краткосрочной памяти были пусты, как коридоры средней школы после уроков.

Это его не удивило. Давно заметил, что в жизни случаются деньки, которые, в силу тех или иных обстоятельств и событий, не оставляют после себя ни следа, ни намека, ни воспоминаний.

Ему становилось все забавнее.росло желание и даже появился некий азарт к тому, чтобы разобраться в этой «непонятке», тем более что вместе с ним в палате или в номере (он остановился на двух вариантах – либо это больничная палата, либо отельный номер) находится еще один человек и, быть может, он знает больше о пространственных ориентирах их местопребывания.

В его мыслительном процессе наступила пауза, и он ощутил на себе одежду. Сначала подумал о пижаме, но не смог припомнить, чтобы он когда-либо пользовался ею в своей обычной жизни. Поэтому пришел к выводу, что это другая одежда.

С целью узнать правильный ответ высунул из-под одеяла правую руку, посмотрел на рукав и оказался прав – на нем костюм – дорогой шикарный костюм из мягкой добротной ткани. Собственно, фасон классически прост, но качество таки имеет значение, и оно выше всяких похвал. Потому-то в костюме настолько удобно, что, заснув в нем, не чувствуешь дискомфорта и, не зная, что на тебе одето, его можно спутать с пижамой.

«Один ноль в мою пользу», – поздравил он себя с первым успехом сегодняшнего дня.

Двумя секундами позже снял одеяло с груди и рассмотрел костюм подробнее. К более пристальному исследованию его принудила мысль, что костюм чужой, хотя ему впору. Мысль же эта возникла после того, как не смог ответить себе на вопрос: «Носил ли я именно такой прежде?». Другими словами, он видел этот костюм на себе впервые.

Через несколько минут выяснилось – не может припомнить, во что же он вообще обычно одевается. Ведь если костюм чужой, то на нем, наверное, была какая-то другая одежда. Какая именно, пока оставалось загадкой.

«Странно...» – подумал он.

От соседних кроватей к нему донесся короткий звуковой сигнал наручных электронных часов. Сразу после этого в дверь резко вонзился то ли ключ, то ли другой металлический предмет. Дверь открылась вовнутрь, продемонстрировав ему, что ручка на ней отсутствует.

Из коридора послышался мужской голос:

– ...Странно, Оленька, то, что манифестация основных симптомов болезни произошла после приема пациентом безобидных химиотерапевтических средств...

Голос звучал приглушенно, монотонно и тянулся медленно, как резина.

Вообще, всем, кто впервые слышал этот голос, казалось, что его обладатель находится под воздействием как минимум транквилизаторов; либо возникала версия, что человек пребывает в трансе или в глубоком гипнозе.

Присутствовали и другие мнения на этот счет, но все их можно смело опустить, в том числе и вышеперечисленные, поскольку ни одно из них не соответствовало истине.

А правда была в том, что Леонид Яковлевич – профессор и заведующий 15-м отделением психиатрической клиники, в далеком прошлом во время прохождения родовых путей из утробы в сей бранный мир перенес незначительную травму и повредил при этом в одном из полушарий головного мозга речевой центр. Об этом в соответствующих медицинских документах имелась запись, подтвержденная размытыми фиолетовыми печатями и неразборчивыми подписями.

Сам же Леонид Яковлевич считал, что «нету худа без добра», ведь, благодаря своему голосу, он легко вводил в гипнотическое состояние большинство своих собеседников и непринужденно ими манипулировал во имя личного жизненного комфорта.

В палату вошли люди в белых халатах. Доктор лет 50-60 с проблесками седины в темных волосах привлек его внимание своим слегка одутловатым лицом. Он был гладко выбрит. Белые лацканы халата обрамляли голубую рубашку и галстук в бело-красную полоску. Из нагрудного кармана торчал золотой колпачок перьевой ручки.

Его сопровождала, неся истории болезни, среднего роста молоденькая девушка с аккуратно зачесанными и заплетенными в длинную тугую косу волосами. Халат на ней был другого фасона – с завязками сзади. Пальцы ее правой руки сжимали простую пластмассовую ручку в положении готовности № 1 тут же записать какие-либо указания или распоряжения своего старшего коллеги.

Она все еще внимательно слушала Леонида Яковлевича, но тот уже закончил.

Дверь закрылась, начался обход.

– Ну что, Кондратий? Места себе не находите? – доктор явно обращался к нему, поскольку смотрел ему прямо в глаза.

Он ничего не успел понять и лишь удивленно моргал, пытаясь как-то ответить на вопрос:

– А...Э...

Вместо него продолжил его сосед:

– Если вы имеете в виду меня, доктор, то я здесь.

Теперь удивился профессор и повернул голову в сторону окон. Человек в спортивном костюме от известного культового бренда «###⁴» вопросительно смотрел на врачей.

Предстояла короткая, но мучительная немая сцена. Однако Оленька разрядила обстановку:

– Леонид Яковлевич, это, – она показала рукой на него, – новый пациент, поступил вчера. И попал к нам совершенно случайно...

Леонид Яковлевич опешил. В 15-ое отделение случайно никто никогда не попадал. Ни разу за все время его 35-летнего трудового стажа в этой ячейке сети государственных здравоохранительных учреждений ничего подобного не бывало. Только по благу! Иногда по большому.

15-ое отделение, созданное на четвертом этаже психиатрической клиники в начале 70-х годов 20-го века, предназначалось для курирования и лечения случаев нервно-психических расстройств исключительно у партийной элиты, их родственников или близких друзей их семей. Здесь были созданы особые условия и действовали иные правила, кардинально отличительные от существующего и по сей день принудительного режима в других отделениях.

В начале 90-х, согласно веяниям нового времени, отделение перешло на хозрасчет и самоокупаемость. При этом коллектив единомышленников во главе с Леонидом Яковлевичем сохранил верность своей главной миссии – лечить только особых людей, как говорится, сливки общества. VIP-персон, если хотите.

Об особенностях отделения, его профиле и специфике знали немногие. А те, кто знал, именовали его в просторечии «ПЕНТХАУС». Такое название появилось отчасти оттого, что отделение находилось на последнем этаже клиники, а отчасти от заоблачной таксы за услуги, предоставляемые в нем.

⁴ Здесь, а равно и в других местах, где опущены названия брендов и торговых марок, может быть ваша реклама.

Леонид Яковлевич был готов сиюминутно яростно негодовать по поводу нарушения незыблемой традиции лечебного заведения. Но не хотел этого делать в присутствии пациентов.

Чтобы сдержать себя от неудержимого порыва «рвать и метать», он засунул руки в карманы халата, слегка наклонил голову и негодуяюще мрачно спросил:

– Как это «случайно»?!

Оленька, конечно же, знала, как отреагирует заведующий на эту новость, и была готова четко объяснить:

– Леонид Яковлевич, наши санитары подобрали его возле ворот больницы. Они подумали, что это наш Кондратий. А он был в сумеречном состоянии сознания и не мог ни подтвердить, ни опровергнуть заблуждение младшего медицинского персонала. А санитары рады стараться, подхватили тело и доставили в его, как они себе думали, палату. Я вчера вечером заступила на дежурство, спросила, почему в палате посторонний и кто он такой. Выяснилось, что санитары напутали. И, откровенно говоря, я очень удивилась, так же, как и вы, когда его увидела. Определенное общее сходство, конечно же, есть. Но если бы санитары обратились к дежурному врачу, то все было бы в порядке. А так, не выбрасывать же его было среди ночи на улицу! Санитары напутали, Леонид Яковлевич.

– Как это «напутали»?! – Леонид Яковлевич не верил своим ушам и судорожно сжимал кулаки в карманах халата.

Оленька глубоко вдохнула и протараторила:

– Ну, вы же сами, Леонид Яковлевич, когда вошли, подумали, что он – Кондратий. Не мудрено, что санитары ошиблись.

Заведующий активно переваривал полученную информацию. Оленька, затаив дыхание, напряженно ожидала – сделать замечание профессору, пусть даже в такой форме, чревато неприятностями. Но Оленьке, по большому счету, терять было нечего: появление постороннего без нужных на это санкций или очень уважительных причин уже тянуло за собой как минимум лишение части зарплаты (Леонид Яковлевич наказывал вверенных ему коллег по ремеслу исключительно рублем, точнее, евро), а так у нее появился шанс избежать финансовых потерь.

Леонид Яковлевич внял голосу логики и разума, мужественно укротил приступ ярости, после чего безучастным голосом спросил у него:

– Вы кто?

Оленька шумно выдохнула. Пронесло. Судя по реакции профессора, наказаны будут только санитары.

Иногда Леонид Яковлевич бывал справедлив, чем несказанно гордился. К тому же дорогой костюм на пациенте вселял надежды, что его труды и беспокойства будут достойно вознаграждены.

Он же подумал над вопросом врача и неожиданно решил:

– Никто.

Оленька добавила:

– После проведения первичного интервью с пациентом выяснилось, что он попросту не знает, хотя, вероятнее всего, не помнит, кто он, откуда он, как попал на территорию больницы, где проживает. Предварительный диагноз – амнезия. Других отклонений психики пока не обнаружено.

А он даже не мог вспомнить, что вчера ему задавали эти вопросы. Поэтому быстрым кивком головы выразил полную солидарность с поставленным Оленькой диагнозом, очень надеясь при этом, что «других отклонений психики» у него не будет обнаружено и в дальнейшем.

– Вы, голубчик, Некто. И мы выясним, кто же вы на самом деле, – выразил свое мнение заведующий и обратился к Оленьке: – Запишите его к Ирэне Арнольдовне. И через две недели пускай она даст мне по нему подробный отчет.

– Но через две недели вы будете в отпуске, – мягко напомнила Оленька.

– Ну и что? – пожал плечами доктор. – Я же свой рабочий стол не увезу. Пусть оставит мне отчет на столе. Я приеду – ознакомлюсь.

Решив таким образом судьбу пациента на его ближайшее будущее, врачи полностью утратили к нему интерес и направили свое внимание на соседа по палате.

Леонид Яковлевич и Оленька подошли к Кондратию и повели с ним оживленную беседу на тему его самочувствия в русле течения болезни.

Врачи стояли к нему спиной, к тому же говорили вполголоса, поэтому четко разобрать их разговор он не мог, да и не хотел. Ему были слышны лишь интонации: монотонные – заведующего, и звонкие, уверенные – Оленьки, да некоторые общие, ни к чему не обязывающие слова и фразы: «голубчик», «психотерапия», «стойкая ремиссия», «жизнь прекрасна», «благоприятный прогноз».

Он еще раз мысленно прокрутил в голове недавний короткий разговор с людьми в белых халатах. Новая информация внесла некоторую ясность в его теперешнее, но вчерашнее все так же оставалось в области непознанного. И, если верить словам Оленьки, на то есть веские причины – амнезия.

Непонятное слово звучало авторитетно и наталкивало на мысль, что оно имеет прямую связь с памятью отдельно взятого человека.

Он попробовал вспомнить ВСЕ, но из этого ничего не вышло. Не помнит даже своего имени, не говоря уже о других, менее важных, элементах (личных и социальных) прошедших лет жизни.

Он утешил себя мыслью: «Это временно. Меня скоро попустит» и решил расширить свои познания о таком явлении как «амнезия», расспросив врачей. Однако не успел. Леонид Яковлевич и Оленька, завершив обход этой палаты, деловой походкой стремительно вышли в коридор.

Они снова остались вдвоем.

Он сел на кровати, опустил ноги на пол и заметил обувь – пару кожаных туфель.

– Если стоят возле моей кровати, значит, мои, – решил он и обулся, хотя и не помнил, откуда у него такие туфли.

– Кондратий, – обратился к соседу по палате. – Не подскажете, что такое амнезия?

Вопрос прозвучал таким обыденным тоном, будто он спрашивал: «Который час?».

Молодой человек в спортивном костюме с интересом посмотрел на него и ответил:

– Там на полке книжка, страница 78.

Он повернул голову, ища полку, и слева от себя увидел новые элементы интерьера палаты, которые раньше, когда лежал, находились у него за спиной и не были доступны обозрению. Его взору предстали два шкафа по углам. Оба под цвет кроватей: один – для одежды; другой, с небольшими полочками и дверцами – для всяких мелких вещей. Между ними на стене висел большой плазменный телевизор.

Он поднялся и подошел к шкафу с полками, который стоял в углу возле окна. Легко нашел нужную книгу – их было всего две: «Психиатрия» и «Немецко-русский словарь». Открыл указанную страницу и с мыслью «Хорошо, хоть буквы помню» в разделе о расстройствах памяти прочел:

«Амнезия – заболевание с симптомами отсутствия воспоминаний или неполных воспоминаний о произошедших событиях того или иного отрезка времени».

Держа книгу в руках, взглянул на Кондратия и спросил:

– А вы, Кондратий, по каким причинам здесь находитесь?

Молодой человек, не задумываясь, ответил:

– Там же, но на странице 126.

Листая книгу, он подошел к столу, придвинул табурет, сел на него, положил книгу на стол и принялся читать жирно подчеркнутый черной шариковой ручкой текст.

«Самоубийство, суицид (suicide) – сознательный отказ человека от жизни, связанный с действиями, направленными на ее прекращение. Является одной из наиболее крайних форм отклоняющегося (девиантного) поведения.

Следует обратить внимание на две важные особенности определения самоубийства.

Самоубийством называют как сознательные действия, приведшие к смерти, так и действия, в результате которых была совершена попытка лишения себя жизни, но в силу обстоятельств не повлекшая фатального исхода. В связи с этим в последнее время ученые стали различать фатальное (завершенное) самоубийство и нефатальное самоубийство (или суицидальная попытка)».

Кондратий имел устойчивую склонность преждевременно закончить свою жизнь самоубийством. И это желание у него проявлялось не в истерично-демонстративных актах с целью привлечения внимания к своей личности, но в продуманных, обоснованных, тщательно подготовленных попытках умереть от собственной руки.

Леонид Яковлевич в какой-то мере гордился пациентом Кондратием, поскольку история его болезни очень оригинально и, можно сказать, вычурно выделялась среди подобных клинических случаев суицида.

– Нарочно не придумаешь, – говаривал заведующий, рассказывая о жизни и болезни Кондратия.

Впервые Кондратий решил уйти в мир иной еще в детстве. Сначала, во время кремации тела умершей бабушки, его посетила странная и не по годам тяжелая мысль о смысле жизни, мол, к чему вся эта суматоха и возня, если, в конце концов, и так придется подохнуть.

И он решил ускорить уход из мира, чтобы не тратить время зря. Также свою роль сыграл и детский интерес. Ему не терпелось узнать: «А что происходит с человеком после смерти?»

В один из нежно-теплых дней бабьего лета он приступил к реализации своих грандиозных замыслов.

Мария Ивановна – учительница младших классов средней школы вела группу продленного дня. Она всего лишь на сорок минут оставила без присмотра десятерых учеников (ходила в магазин за колбасой). Но когда вернулась – очень удивилась. Дважды.

Первым делом ее удивило наличие всех учеников на местах и то, что при этом в классе была гробовая тишина. Ее ученики, все как один, сидели за своими партами, ровно, даже как-то празднично, держа осанку, и что-то старательно выводили в тетрадях своим еще неуверенным детским почерком.

Мария Ивановна не находила слов от восторга. Быстро поставила сумку с вареной колбасой на стул и тихонько подошла посмотреть, что же они пишут...

Увиденное не только удивило учительницу еще раз, но и повергло в тихий ужас. Дети писали предсмертные записки. Они как раз заканчивали: «...В моей смерти прошу никого не винить».

Женщина молниеносно бросилась закрывать все окна в классе.

К огромному счастью учительницы и дирекции школы, все обошлось, и никто не пострадал. Кондратий во всем признался. Оказалось, что ему просто было страшновато уходить одному, поэтому и уговорил одноклассников пойти с ним за компанию. Что именно он сказал детям, чем их заинтересовал, осталось неизвестным для педагогического совета, родителей и милиции. Ученики упорно молчали и сдержали, очевидно данную ранее, клятву сохранить тайну.

С Кондратия взяли торжественное обещание больше так не делать и перевели в другую школу.

И Кондратий больше никогда так не делал. В дальнейшем он готовил и планировал все свои самоубийства исключительно в одиночку.

Кондратий поднялся с кровати, сел рядом с ним за стол и внимательно посмотрел на часы:

– Пять, четыре, три, два, один. Пуск! – полушепотом, как заклинание, произнес он.

Тут же распахнулась дверь. В палату вошла низенькая полная женщина средних лет в длинном халате, поверх которого был надет цветной целлофановый фартук. Аккуратно повязанная белая косынка прятала ее волосы. Перед собой она толкала тележку с тарелками, кружками и едой.

– Что, касатики, проголодались? – добродушно спросила женщина. Она ловко подкатила тележку к столу и начала выставлять на него завтрак.

– Счас, баба Маня вас накормит, – так приговаривая, женщина привычными механическими движениями сервировала стол. Сначала появился небольшой кофейник. Потом большая глубокая тарелка с каким-то салатом и две гораздо меньшие тарелки с яичницей. Затем два блюдечка с кубическими кусками запеканки, густо политыми сметаной. Завершили сервировку хлеб, два столовых набора «вилка & нож» и две кружки.

Сделав свое дело, женщина направилась к двери:

– Ешьте, касатики, приятного аппетита, – пожелала она и удалилась.

Кондратий, ловко орудуя ножом и вилок (чувствовалась многолетняя практика), приступил к приему пищи.

Он беззаботно закрыл книгу, отложил ее в сторону и присоединился к утренней трапезе:

– Это завтрак? – уточнил.

Кондратий в ответ кивнул и с набитым едой ртом спросил:

– А ты и вправду не помнишь, как тебя зовут?

Он отрицательно мотнул головой:

– Хоть убей.

– Убей себя сам, – посоветовал Кондратий и, сглотнув, продолжил: – Кстати, напомним тебе, что такие костюмы, как твой, – Кондратий элегантно указал ножом на костюм, – шьются исключительно под заказ в индивидуальном порядке и в очень ограниченном количестве.

– Ну и что? – спросил он.

– А то, – Кондратий поучительно поднял нож, – что на такие костюмы, как твой, пришивают бирку с именем владельца.

Его рука замерла, остановив на полдороге ко рту вилку, гуженую салатом и яичницей.

Сейчас он почувствовал себя то ли вором, пойманным с поличным, то ли разведчиком, который провалился на первых же шагах внедрения в ряды врага.

Положив вилку на тарелку, спросил:

– Где?

– Где-то на пиджаке, – смотря в свою тарелку, подсказал Кондратий.

Он резким движением снял пиджак и осмотрел его. На внутренней стороне ничего не было. Он вывернул рукава. На них тоже никаких бирок не наблюдалось. Только на правом рукаве, в нижней его части, подкладка была несколько повреждена, словно от нее впопыхах оторвали что-то пришитое. Он показал Кондратию порванную подкладку:

– Было, да сплыло.

Кондратий, казалось, предвидел такой вариант и лишь уважительно кивнул головой:

– Да, ты серьезно подошел к делу.

Он не понял, к чему такое замечание. Или сделал вид, что не понял. Надел пиджак и как ни в чем не бывало продолжил завтрак.

Грязные тарелки они сложили в одну стопку в центре стола.

Кондратий посмотрел на часы, встал, взял со своей тумбочки небольшую кожаную сумочку, перекинул ее через плечо, направился к двери и нажал кнопку звонка. Буквально через 15-20 секунд в коридоре послышались быстрые шаги, и дверь открылась. Когда она закрылась, Кондратия в палате уже не было.

Он подошел к окну. Яркая зелень парка, легкий шум ветра в кронах деревьев, нежные и ласковые лучи солнца манили к себе, приглашали на прогулку и обещали чудное времяпрепровождение.

Он чувствовал себя прекрасно: на душе было легко, спокойно, и его совершенно не беспокоило отсутствие воспоминаний.

Решил выйти во двор. С этой целью двинулся к двери, нашел глазами звонок, чтобы позвонить и, по крайней мере, для начала разузнать, как «насчет погулять». Но его опередили.

Дверь открылась. На пороге стояла Оленька.

– Вы что-то хотели? – догадалась она.

– Да, – улыбнулся он. – Погулять на улице.

– Попозже, – предложила Оленька. – Сейчас важно другое, – она мягко развернула его, взяла под руку, подвела к кровати и усадила. Сама придвинула табурет и расположилась рядом.

Повторное появление врача внесло некоторую строгость и рутинность. Он даже немного разочаровался. Начало дня не предвещало ничего важного и обязательного. А тут вдруг появились какие-то ограничения.

– Как вы себя чувствуете? – участливо спросила Оленька.

– Спасибо, хорошо, – ответил он.

– Голова не болит? Не кружится? – продолжила опрос женщина.

– Нет, – сообщил он и вдруг забеспокоился, – а что, должна болеть и кружиться?

– Да нет, – наивность вопроса ее развеселила. – В принципе, не должна, хотя может. – Оленька вдруг почувствовала, что если будет продолжать в том же духе, то легко собьется с пути истинного, а потому предложила: – Вы просто отвечайте на вопросы. Как аппетит?

– Спасибо, все очень вкусно.

– А что вы чувствуете? – Оленька заглянула ему в глаза.

– Чувствую, что мне хорошо, – быстро определился он и повернул голову в сторону окна. – На улицу хочу.

– Позже, – пообещала она. – Сейчас нужно сделать несколько важных дел. Не забывайте, вы – в больнице. У нас есть определенные правила и распорядок.

Он смирился. Оленька продолжила:

– Вы ведь не помните, где и как долго были, что делали. То есть, мы можем предположить что угодно, – она скорее утверждала, нежели спрашивала. – Поэтому первым делом вы пойдете в душ, а ваш костюм мы отправим в стирку. Завтра вам его вернут чистым и отутюженным. А пока оденете наше, больничное. Пойдемте, Маша вас проводит.

Он снова оказался у двери. Теперь с проводником. Оленька достала из кармана халата железный ключ с крупными зубринами, резко воткнула его в замочную скважину. «Словно нож в почку», – подумал он, но вслух ничего не сказал.

Они вышли в широкий коридор. Справа в пяти шагах от двери его палаты стоял стол с телефоном, над которым красовалась красная надпись: «ПОСТ № 4».

За столом сидела медсестра. Бейджик, прикрепленный к ее халату, большими буквами сообщал, что девушку зовут Маша.

Особенность 15-го отделения заключалась еще и в том, что бейджики с именами были только у младшего и среднего медицинского персонала. Врачи их не носили. Леонид Яковлевич уверенно пропагандировал мысль: «Пациент должен знать имена лечащих его врачей наизусть, помнить их всегда и в любом состоянии, вспоминать мгновенно и без подсказок, даже если его неожиданно разбудят среди ночи». И ему таки удалось убедить в этом большинство своих пациентов. Естественно, пока только тех, кто мог адекватно, с точки зрения современной психиатрии, воспринимать и воспроизводить реальность.

– Маша, проводите... – Оленька на миг задумалась, хотела назвать его по имени, но пришлось ограничиться другим словом, – ... пациента в душевую и выдайте ему чистую одежду, – обратилась она к медсестре, – смените также постель.

Медсестра быстро встала, подошла к нему и непринужденно предложила:

– Пойдемте?

Таким же тоном она могла бы спросить: «Потанцуем?» И это выглядело бы естественно.

– А что потом? – решил уточнить он у Оленьки.

– Не спешите, потом и узнаете, – улыбнулась в ответ врач. – Жду вас здесь через двадцать минут.

– Действительно, куда спешить? – согласился он и полностью отдал себя и свое тело воле внутреннего распорядка и правил 15-го отделения, а также событий, которые могут в нем произойти в дальнейшем.

Он пошел вдоль коридора за простой русской девушкой (хотя она могла быть и любой другой национальности) Машей, ступая по мягкому синему ковру.

Со стен коридора умными проникновенными взглядами его путь сопровождали несколько портретов из длинного ряда известнейших корифеев лечебного дела в области Души и Головы Человеческой, начиная от Филиппа Пинеля и завершая пока Карлом Густавом Юнгом.

Вдохновенные музой Психе, эти люди сделали необычайно много для прогресса человечества и сим заслужили свое место в этой галерее, созданной Леонидом Яковлевичем. По его решению ряд светил мог пополняться очередным портретом только после смерти оригинала.

«Живые не заслуживают такого внимания к ним», – считал заведующий отделением, втайне надеясь, что гордость 15-го отделения – коллекция живописных ликов великих врачей – будет когда-то пополнена и его портретом. После его смерти, конечно же. Но соответствующая картина была уже готова.

Впрочем, вряд ли он их заметил. Да и не смог бы всех рассмотреть, поскольку от поста № 4 до ближайшей душевой комнаты оказалось всего-то 15 шагов пути.

В душевой медсестра вручила ему полотенце, больничную одежду, чистое белье, среди которого особое его внимание привлекла футболка на короткий рукав с большой цифрой 15 на спине, которая напомнила ему об игре миллионов – футболе. На ней не доставало только фамилии какого-то известного игрока или его собственной фамилии.

Футбол Леониду Яковлевичу был глубоко безразличен. Идею со спортивной формой подсказал футбольный тренер, проходивший у него несколько лет назад курс лечения. Смысл состоял в том, что надевая футболку с номером «15» (номером отделения, в котором пациент находился), человек совершал некий магический ритуал приобщения к команде единомышленников, цель у которых одна – привести его к полному выздоровлению или хотя бы к устойчивой ремиссии заболевания. Ну и к тому же получался неплохой оригинальный сувенир на память о днях пребывания в стенах лечебного заведения.

Кроме этого, он получил несколько пакетиков: один с шампунем и два с жидкостями для дезинфекции и дезинсекции.

Услышав от медсестры два последних слова, он подумал:

– Определенно, мой словарный запас расширится, – затем бросил свою одежду в пластмассовую корзину и пошел в душ.

Через двадцать минут, как и договаривались, он стоял возле Оленьки уже чистый, продезинфицированный и в другой одежде. На нем красовались новенькие мягкие тряпичные тапочки, широкие штаны и поверх футболки что-то наподобие рубахи без пуговиц – с длинными рукавами и треугольным вырезом на груди. И теперь, глядя на него, можно было подумать, что он либо анестезиолог, либо стоматолог, либо китайский трудящийся с рисовых плантаций.

Карманы в новом костюме отсутствовали:

– Раз ничего нет, то и карманов тоже нет, – мысленно согласился он с таким кроєм одежды и порядком вещей и, заложив руки за спину, внимательно слушал Оленьку.

– Сейчас я ознакомлю вас с нашим отделением. Проведу, так сказать, небольшую экскурсию, – предложила она и, не дожидаясь какого-либо ответа, пошла прямо по коридору от поста № 4 к посту № 3.

– Здесь – палаты, – показала она рукой направо.

Медленно проходя мимо дверей, он только теперь обратил внимание на портреты светил психиатрии, висящие между ними на стене. И часть пути бородастые, усатые, лылые, пышно-волосые, с бакенбардами или в очках дядьки сопровождали их поход по 15-му отделению.

Слева от себя, по всей длине коридора, он увидел большие окна, сквозь которые, собственно, и попадал вовнутрь дневной свет. Стекла на 75% своей высоты были матовыми, и это не давало возможности видеть, что же находится за ними.

На подоконниках стояли разнообразные цветы в вазах. Некоторые даже цвели.

За палатой № 5 последовали № 4, № 3. Они миновали пост № 3 и повернули налево. Вот палата № 2. Следующая дверь отличалась от предыдущих тем, что имела квадратное окошко для наблюдения за происходящим внутри помещения.

– Это, – объяснила она, – специальная палата. Она внутри полностью обита мягким материалом. Профилактика членовредительства в состоянии аффекта.

– Можно посмотреть? – заинтересовался он.

– Конечно, – согласилась Оленька и открыла дверь палаты.

Он увидел небольшое квадратное помещение 2 на 2 метра с небольшим зарешеченным окном в самом верхе противоположной от двери стены. Палата показалась ему похожей на большущий диван или гигантское мягкое кресло. На сравнение с мебелью наталкивали стиль обивки и материал – здесь применили высококачественную специально обработанную кожу.

Сколько безвинно убиенных молодых телят пошло на обивку всей палаты? Об этом Леонид Яковлевич не задумывался. Также его не интересовало количество лебяжьего пуха, использованного для набивки, под этой кожей. Главное – помещение выглядело эффектно и в силу того, что было фантастически мягким и нежным, в нем исключались какие-либо повреждения тела, даже если неистово кидаться на стены несколько часов кряду.

И хотя отделывать эту палату закончили несколько лет назад, по сей день помещение хранило в себе запах новой кожаной вещи.

Также ощущению новизны в палате содействовала низкая посещаемость оной – «громкие аффекты» встречались крайне редко, и помещение, откровенно говоря, простаивало.

Поэтому Леонид Яковлевич использовал пустующую палату еще в одной торгово-экономической сфере – сдавал в кратковременную аренду за умеренную плату своим знакомым и знакомым своих знакомых.

И когда простые смертные в педагогических целях ставили детей в угол или на колени, сильные мира сего могли позволить себе более прогрессивный и более изощренный способ воздействия – поместить своего отпрыска в мягкую, изолированную от всего мира, комнату.

В общем, узкий круг людей, знающих о 15-ом отделении, обращался к заведующему с тем, чтобы на определенное время поместить свое чадо (или кого другого) в «мягкую комнату», чтобы чадо (или кто другой) подумал (подумала) о свершенных им (ею) поступках и пришел (пришла) к нужным выводам. Иными словами, «дабы дурь из головы вышла».

Некоторым помогало.

– Наши пациенты почему-то называют ее «караван-сарай», – продолжила Оленька, закрывая дверь. – А некоторые даже просят посидеть, отдохнуть от мирской суеты.

Они пошли дальше. Табличка на следующей двери гласила – «Гипнотарий».

– Сюда вы точно попадете и тогда ознакомитесь с этим помещением подробнее, – сообщила врач.

– А здесь я уже был, – он радостно показал на дверь душевой.

– Нет, – возразила она. – Вы ходили в другую, в противоположном крыле. У нас их две. Я вам покажу.

Они миновали двери грузового лифта, входную дверь, пост № 2 и снова повернули налево.

Левая сторона коридора все время оставалась неизменной – матовые окна с цветами на подоконниках.

Правая же сторона в этой части отделения состояла из ординаторской, большой комнаты для групповой психотерапии и палаты № 1.

Они еще раз повернули налево, прошли вдоль еще одной входной двери, дверей грузового лифта и поста № 1.

– А вот и душевая, в которой вы были, – указала она на дверь и продолжила идти по коридору. – Дальше манипуляционная, кабинет Леонида Яковлевича, палата № 7 и ваша – № 6.

Они снова оказались возле поста № 4. Он сообразил, что они прошли по кругу, вернее по квадрату, и вернулись в изначальную точку экскурсии.

– Чуть не забыла, – добавила Оленька. – На крыше у нас, – она показала рукой на потолок, – стеклянная надстройка. Там зимний сад, превосходная оранжерея, альпийские горки и джакузи. Впрочем, сейчас лето, и на улице не менее прекрасно.

В том, что Оленька, как она сказала, чуть не забыла о стеклянной надстройке на крыше, ничего удивительного не было. Потому что, кроме зимнего сада, сверху находились две большие комнаты, напичканные ультрасовременной техникой, из которых велось видеонаблюдение за 15-ым отделением и прилегающей к нему территорией. И, рассказывая кому-либо о зимнем саде, она невольно вспоминала о камерах. А это было неприятно, ведь наблюдали не только за пациентами, но и за санитарями, медсестрами, врачами.

Именно поэтому младший и средний медицинский персонал иногда называл своего заведующего не иначе как «Леня – Всевидящее Око».

Правда, было одно исключение – видеокамеры не установили в кабинете Леонида Яковлевича.

Цифра 6 на дверях его палаты о чем-то напоминала:

– Как у Антона Павловича Чехова, «Палата № 6», – вспомнил он.

– Вы читали Чехова? – спросила Оленька.

– Да, – подтвердил он.

– И помните об этом? – продолжила врач.

– Да, – воспоминания о сочинениях Антона Павловича Чехова не подверглись забвению или каким-либо другим искажениям.

– Хорошо, – удовлетворительно констатировала она и продолжила: – Теперь некоторые формальности, – Оленька указала на свободный стул возле стола у поста № 4.

Он сел. Она открыла ящик стола, достала оттуда лист бумаги и ручку. Все это положила перед ним и предложила:

– Внимательно ознакомьтесь и подпишите, если согласны, конечно.

– А если не согласен? – он посмотрел на Оленьку.

– Тогда мы направим вас в другое отделение – бюджетное, – спокойно и равнодушно объяснила врач.

Он взял в руки лист и начал читать.

ДОГОВОР №

Я, (далее следовал пробел, предлагающий читающему вписать свое имя и фамилию), целиком и полностью согласен с тем, что во время моего пребывания в 15-ом отделении областной психиатрической клиники с целью повышения эффективности лечебных мероприятий и контроля процесса выздоровления персонал в отношении моей личности может нарушать мои права человека посредством:

1)

ведения видеонаблюдения во всех помещениях отделения и на прилегающей к нему территории;

2)

изъятия мобильного телефона и других средств связи с внешним миром;

3)

установления решеток на окнах;

4)

отключения телевизора от всех телеканалов (просмотр со съемных носителей информации строго согласуется с лечащим врачом).

5)

а также других мер, которые определяются лечащим врачом в каждом конкретном клиническом случае.

Со своей стороны обязуюсь:

1)

Добросовестно следовать всем указаниям и рекомендациям моего лечащего врача.

2)

Активно содействовать собственному выздоровлению.

3)

С уважением относиться ко всему медицинскому и техническому персоналу 15-го отделения.

4)

Полностью оплатить курс лечения.

В случае нарушения мною вышеизложенного договора обязуюсь:

1)

Оплатить пребывание в отделении с момента поступления и до дня нарушения договора.

2)

Компенсировать моральный ущерб материально в размере 50-ти процентов от суммы, уплаченной за пребывание в отделении.

Дата

Подпись

Леонид Яковлевич очень гордился наличием этого документа и в каждодневной практике ожидал от него некоего положительного эффекта – если уж не терапевтического, то экономического точно.

И, надо сказать, его ожидания оправдывались в следующем соотношении: 80%\10%\10%.

То есть, 80% пациентов придерживались предписанных правил, и это помогало во время лечения.

Дело в том, что в обществе и в нормальной жизни у пациентов 15-го отделения был исключительный статус и широкие, практически неограниченные, возможности. Они имели все и сразу, да и всех и сразу. Поэтому резкое ограничение преимуществ былой жизни давало почву к размышлениям, которые положительно влияли на лечебный процесс.

10% пациентов, как говорится, «срывались». Они возмущенно прерывали свое лечение, компенсировали моральный ущерб и отправлялись на поиски другого медицинского учреждения, которое могло бы помочь решить их проблемы.

10% пациентов попросту были абсолютно невменяемы, и договор вместо них подписывали их родственники.

Он еще раз просмотрел текст договора и решил его подписать.

Я, запятая, пробел. Нужно вписать имя. Но какое? И он написал просто:

Я, страдающее амнезией

Перечитал написанное и понял, что это неправда – страданий он не испытывал. Перечеркнул написанное, а сверху вывел:

Я, пребывающее в амнезии

Потом быстро пробежал глазами по тексту и спросил:

– Какое сегодня число?

– 16-ое июня, понедельник, – ответила Оленька.

– 16-ое июня, – повторил он, вписал в договор дату и поставил свою подпись – большую размашистую букву Я.

Встал из-за стола и спросил:

– Что дальше в программе? – надеясь услышать в ответ, что сейчас он может пойти погулять на улицу.

– Не в программе, а в комплексе лечебных мероприятий, – монотонным голосом поправил его Леонид Яковлевич.

Он даже вздрогнул от неожиданности. Заведующий со своим замечанием, казалось, появился ниоткуда. Он повернулся. Леонид Яковлевич как раз просматривал подписанный им договор. Завершив это дело, заведующий неопределенно хмыкнул и распорядился:

– Оленька, после общего терапевтического осмотра пригласите нашего нового пациента ко мне в кабинет, – и продолжил свой путь.

– Пойдемте, нас ожидают в манипуляционной, – обратилась к нему врач.

– Зачем? – ему было все равно кто. Его интересовал процесс.

– Не беспокойтесь, – объяснила она, – простой осмотр терапевта, и возьмем кровь на анализы.

После подписания договора в таких вопросах у него уже не было выбора, и он последовал за врачом.

В 15-ом отделении постоянно работали всего лишь три врача – Леонид Яковлевич, Ирэна Арнольдовна и Оленька. Но они легко справлялись с курированием и лечением всех пациентов, число которых могло доходить и до 24-х.

Когда же возникали вопросы вне пределов их профессиональной компетенции или была потребность в узких медицинских специалистах, то нужных людей приглашали из других известных лечебных учреждений.

Что касается врача-терапевта, то он приезжал регулярно, осматривал поступающих на лечение или же консультировал по поводу соматических синдромов, сопутствующих основному психическому заболеванию.

В манипуляционной отчетливо ощущалась прохлада. Может быть оттого, что она вся была выложена белоснежным кафелем. А может быть, от тотальной стерильности, царившей в ней.

Обстановка манипуляционной демонстрировала экономичность с преимуществами минимализма и аскетизма. В помещении было очень просторно, поскольку из мебели вдоль стен стояли лишь несколько железных шкафов со стеклянными дверцами, несколько штативов для внутривенного вливания, умывальник, стол, кушетка, один холодильник и какой-то непонятный аппарат – железная бочка на четырех ножках. И все белого цвета. Даже решетки на окнах.

Молодой терапевт приветливо улыбнулся и начал осмотр. Ему помогала медсестра 15-го отделения по имени Таня. По крайней мере, так сообщал бейджик на ее халате.

Через полчаса врач-терапевт удалился, прихватив с собой свой саквояж с инструментами и с некоторым количеством его крови из пальца и вены.

Он надел на себя футболку с номером 15 на спине, сверху рубаху, поднялся с кушетки и вышел в коридор.

Оленьки уже не было. Вместо нее к нему подошла уже знакомая ему медсестра Маша и вежливо напомнила, что его ожидает профессор.

Он зашел в кабинет Леонида Яковлевича.

Сказать, что этот кабинет выглядел шикарно – это ничего не сказать. В большинстве случаев он просто ошеломлял посетителей, впервые переступавших порог сего чертога элитной роскоши.

Первое, что он увидел справа от двери, так это большой, длинной во всю стену, а высотой почти под потолок, аквариум с яркими разноцветными экзотическими большими и маленькими рыбками. Возле аквариума стояла стремянка. Чтобы покормить рыбок, нужно было приподняться над полом. И так как Леонид Яковлевич летать не умел, а подпрыгивать было неудобно, да и не подобало эдакое проделывать на занимаемой им должности, то профессор пользовался раздвижной лестницей.

Он поднял голову вверх. Под высоким потолком висела изящная золотая люстра с хрустальными украшениями витиеватой формы. А над ней простиралась фреска – увеличенная копия с картины Валентина Александровича Серова «Похищение Европы».

Слева он заметил изумительный книжный шкаф ручной работы, уставленный старинными фолиантами и рукописями.

В раме открытого окна, обрамленного тяжелыми бархатными шторами, висели китайские колокольчики – они издавали приятные мелодичные звуки после каждого дуновения легкого ветерка.

Решетки на окне были, разумеется, и здесь, но соединения их гнутых прутьев изображали виноградную лозу с обилием листьев и гроздей винной ягоды.

Только после осмотра этих достопримечательностей он взглянул на профессора. Тот сидел за огромным Т-образным столом в глубоком кожаном кресле. Позади него стоял еще один шкаф, но его содержимое было скрыто от нежелательных взглядов сплошной створкой из красного дерева, которую украшал нарисованный золотой замысловатой восточной вязью китайский дракон.

Пока он разглядывал кабинет, Леонид Яковлевич, как и некоторое время до его прихода, размышлял о своем новом пациенте.

Благодаря своему 35-летнему опыту врача-психиатра он определил, что этот молодой человек, хотя и не помнит свое прошлое, все же принадлежит к наивысшей касте материально обеспеченных людей, и поэтому его пребывание в отделении рано или поздно будет оплачено.

Одновременно его посетила и другая мысль – о том, что появление нового пациента может оказаться хитрым и коварным ходом со стороны его врагов. В таком случае ссылка на амнезию – всего лишь умелая игра и очень правдоподобная легенда, под прикрытием которой удобно вести какую-то диверсионную работу с целью, например, пошатнуть его авторитет или что там у них еще на уме.

Но эта мысль вызывала средний уровень беспокойства. Он уже запланировал привлечь, конечно же, за счет самого пациента некое частное детективное агентство для установления личности молодого человека и поиска его друзей или родственников.

Леонида Яковлевича настораживало другое. Увидев договор и уверенную размашистую подпись «Я» под ним, он подумал: «С «Я» денег не получишь». Поэтому решил лично побеседовать с этим неожиданным пациентом и скорректировать течение его болезни в выгодное для себя русло.

Ведь «Я», как говаривал умный Кролик⁵, бывают разными, и неизвестно, какие психические нарушения могут скрываться под мыслью о «Я, пребывающем в амнезии». А родственники, увидев абсолютно неадекватную личность, просто откажутся оплачивать лечение. Чего доброго, еще в суд подадут, и Леонид Яковлевич окажется крайним, хотя он тут вообще ни при чем. Или возникнут еще какие-то другие проблемы. Какие именно, Леонид Яковлевич не мог сказать конкретно, но чувствовал, что они обязательно появятся, если он своевременно не вмешается в психические реакции этой отдельно взятой личности.

– Садитесь, – предложил Леонид Яковлевич.

Он подошел и сел в одно из четырех кресел, стоящих возле стола. Под мерное тиканье больших часов началась неспешная беседа.

– Вам нравится у нас? – спросил профессор.

Он кивнул головой и довольно улыбнулся.

– Вот и хорошо, – казалось, заведующий тоже был доволен.

– И хочу вас поздравить, – продолжил Леонид Яковлевич.

Он удивленно посмотрел на доктора.

– Да, – подтвердил Леонид Яковлевич, – хочу вас поздравить с тем, что, несмотря на сложную болезнь амнезию и весьма запутанную, не всегда понятную нам ее этиологию, вы

⁵ «Я бывают разными», – сказал Кролик Винни-Пуху, когда тот на вопрос Кролика «Кто там?» ответил «Я». Этот глубокомысленный диалог прозвучал в одной из серий советского мультипликационного фильма о Винни-Пухе.

сегодня сделали первый уверенный шаг на пути к воспроизведению вашего социального, так сказать, портрета.

– Какой же шаг? – немного удивился он. Каких-то экстраординарных поступков за собой он сегодня не заметил.

– Вы осознали свое Эго, – пояснил Леонид Яковлевич. – Но... – профессор многозначительно поднял указательный палец вверх, – но на этом этапе следует быть очень и очень осторожным, ибо здесь нас подстерегают капризы такого явления как эгоизм и себялюбие, что в свою очередь может осложнить амнезию другими психическими страданиями. Поэтому будьте осторожны и бдительны, чтобы не увязнуть в иллюзорном мире эгоизма. Человек – существо социальное. Помните, вы – в обществе. И общество вам всячески помогает, и нужно быть благодарным обществу за помощь и сострадание.

Лечебно-философские сентенции Леонида Яковлевича не произвели на него никакого впечатления. Он не верил профессору и понял лишь одно – бесплатно его здесь никто содержать не будет.

– Леонид Яковлевич, – осторожно начал он, – благодарю за ценные рекомендации. И смею вас заверить, что хотя я и не помню многое из своего прошлого, все же я – человек слова, и согласно договору, подписанному мною только что, оплачу ваши услуги, – и подумал: «Нужно придумать себе какое-то временное имя».

В этот момент он действительно был уверен, что вопрос с деньгами каким-то образом решится, и к нему не будет никаких финансовых претензий.

– Я не сомневался в этом, – негромко ответил Леонид Яковлевич, мысленно уже решив: «В крайнем случае продам его тело по частям – на органы».

Неожиданно сзади послышался резкий звук, словно кто-то передернул затвор огнестрельного оружия. Он рефлекторно с целью самозащиты обернулся и увидел, как в шкафчике над циферблатом часов раздвинулись миниатюрные дверцы и навстречу друг другу выехали две фарфоровые фигурки. Одна из них изображала врача в белом халате и белом колпаке с красным крестом на нем, а вторая – пациента в полосатой больничной пижаме.

Фигурки сблизились и остановились лицом к лицу. При этом врач поднимал и опускал руку с молоточком невропатолога, а пациент следил взглядом за этими незатейливыми движениями.

Каждый раз, когда кукольный врач поднимал руку, слышалось громкое «Ба-ам!». Количество движений и сопровождающих их звуков соответствовало полному часу текущего времени дня.

Фабула этой простой сценки была ему ясна – изображался один из этапов диагностики с помощью хорошо известного медицинского инструмента. И все же складывалось впечатление, что непосвященному в таинства врачевания или же человеку с низким культурным уровнем могло показаться, что доктор грозит пациенту этим молоточком, а тот, в свою очередь, нервно дрожит в испуге.

Но Леонида Яковлевича в этих часах привлекало другое. А именно – вызываемый ими эффект неожиданности, особенно когда собеседник сидел к часам спиной. То есть человек, внезапно услышав позади себя резкий звук, так похожий не передергивание затвора огнестрельного оружия, и громкое «Ба-ам!», непроизвольно как минимум вздрагивал, иногда быстро оборачивался и даже издавал реплики: «Ой! Ну и напугали меня ваши часы!».

В такие мгновения Леонид Яковлевич искренне радовался, аки дитя малое, получившее в подарок новую игрушку. С серьезным видом, конечно, но внутри ликовал – шутка удалась. Он даже планировал свои встречи с новыми людьми так, чтобы они совпадали по времени с боем часов. И наслаждался.

Вот и теперь Леонид Яковлевич усмехнулся про себя, увидев, как он обернулся, реагируя на неожиданный звук, и довольно сообщил:

– Полдень, – одновременно всем своим видом давая понять, что аудиенция закончилась. Профессор проводил его к двери:

– И главное – спокойствие, только спокойствие...

«Когда-то и где-то я уже это слышал», – подумал он.

И пока он размышлял над заключительными словами доктора, Леонид Яковлевич успел закрыть за ним дверь своего кабинета.

Он стоял в коридоре один, но недолго.

Вскоре появилась медсестра Маша:

– Присядьте, пожалуйста, сейчас Ольга Анатольевна подойдет.

Он уселся на стул возле стола поста № 4 и погрузился в безмыслие: вспоминать было нечего, а о том, что предложат врачи в будущем, он и представления не имел. Теперешнее же и совсем недавние впечатления еще обрабатывались глубоко на подсознательном уровне.

Потом его взгляд, блуждая по окружающей реальности, зацепился за силуэт в белом халате. Силуэт двигался к нему из дальней части коридора. По мере приближения он превращался в женскую фигуру и, остановившись около него, окончательно сформировался в Оленьку.

– Не устали? – спросила она, глядя на него сверху.

– Н-нет, – быстро выпалил он и поспешно встал со стула.

– На улицу еще хотите? – продолжила врач.

– Да, – обрадовался он.

– Ну что же. На сегодня мы уже все сделали. Можете отдыхать. Продолжим завтра, – приятным голосом сообщила Оленька. – А сейчас я попрошу Кондратия, чтобы он с вами вышел на улицу. Все-таки он здесь все знает и ответит на любые ваши вопросы, если какие-то возникнут.

Кондратий здесь все знает.

Сказано без преувеличения. В свои 28 лет Кондратий считается, если так можно выразиться, одним из ветеранов 15-го отделения.

Впервые он переступил порог этого заведения в 16 лет. Тот первый случай странного его поведения в школе на группе продленного дня как-то очень уж быстро замялся и особенно не обговаривался в кругу семьи. Родители то ли не придали ему значения, то ли не хотели придавать, то ли у них просто не было времени для основательного «разбора полетов».

И Кондратий рос себе, на первый взгляд, как обычный ребенок, ничем не выделяясь среди других сверстников, но и ни в чем не уступая им.

Время от времени он предавался размышлениям о жизни, вернее о крайней ее точке – смерти.

Иногда ему хотелось спрыгнуть с крыши дома. Он даже поднимался на самый верх высотных строений и смотрел вниз, разглядывая снующих по улицам маленьких, словно букашки, людей и автомобилей. Тогда представлял себе, что это его игрушки, и он может с ними делать все что угодно. В этих фантазиях Кондратий забывал о своем желании спрыгнуть вниз.

Иногда он ходил по краям крыш новых жилых высоток, имеющих достаточно широкий парапет, на который он взбирался, после чего двигался по периметру, надеясь случайно оступиться и упасть. Но напрасно. Концентрация на точных движениях мешала сделать неосторожный шаг, а закрыть глаза он еще боялся. Поэтому Кондратий, проголодавшись и устав ходить по кругу, спускался вниз живой и невредимый.

Иногда ему хотелось жить. И он наслаждался своим беззаботным детством напропалую. Именно беззаботным – в их доме было все. В том числе и то, о чем простому среднестатистическому ребенку даже и не мечталось.

Но свои 16 лет Кондратий решил встретить с намыленной веревкой на шее. Он провисел лишь несколько секунд, веревка оборвалась, и его тело с грохотом упало на пол. Тут же на шум в его комнате вбежали родители и недоуменно смотрели на своего сына, корчащегося от удущья на дорогом персидском ковре и судорожно растягивающего руками петлю на шее.

Именно после этого случая Кондратий впервые познакомился с 15-тым отделением вообще и с Леонидом Яковлевичем лично.

Именно после этого случая в паспорте Кондратия появилась фотография: лицо со стеклянными глазами, отсутствующий взгляд и водолазка с высоким горлом, чтобы скрыть на шее красную полоску от веревки.

В то время родители очень спешили с паспортом для сына по каким-то невнятным, по крайней мере для Кондратия, причинам, а других подходящих фотографий под рукой не оказалось.

– Подождите здесь, я его позову, – Оленька быстро открыла дверь палаты № 6, вошла вовнутрь и буквально через несколько минут вышла оттуда, но уже не одна. За ней, поправляя на плече свою небольшую кожаную сумочку, шел Кондратий. Шел неохотно – так, словно его оторвали от каких-то важных личных дел и вместо них предложили принять участие в общественно полезных мероприятиях.

«Договор работает», подумал он.

Кондратий подошел ближе и снисходительно посмотрел на него:

– Ну, пошли.

Оленька в этот момент стояла в стороне, видела их в профиль и ловила себя на мысли, что эти два пациента чем-то очень похожи, чем-то еле уловимым, но в то же время отчетливо заметным. Схожесть складывалась частью из внешних черт – манер, позы, взгляда, а частью дополнялась их внутренним состоянием, которое скорее чувствовалось, нежели поддавалось логическим умозаключениям.

Молодые люди медленно и молча пошли по коридору к лифту.

Кондратий нажал кнопку вызова грузового лифта. Снизу тяжело и с натугой начала подниматься его кабина, и через сорок пять секунд она благополучно достигла четвертого этажа.

Дверь открылась, и на двух претендентов на поездку вниз посмотрела маленькая худощавая злобная старуха с кривыми ногами и недовольным морщинистым лицом, но, как положено, в белом халате и в чем-то наподобие шапочки на голове. Ее рост и конституция тела давали почву для некоторых неожиданных выводов о том, что она либо низкорослый человек, либо гигантский гном. Именно такие мысли и посетили его голову.

К тому же интерьер лифта легко поддавался сравнению с маленьким домиком: около одной стены стоял топчанчик с одеяльцем и тумбочка, накрытая вышитой салфеточкой, а на ней очки в пластмассовой оправе, газета и стакан чаю. Складывалось впечатление, что они позвонили в дверь квартиры, и им открыла злобная хозяйка, не желающая видеть кого-либо не только в этот момент, но и вообще.

На Кондратия эта старуха никакого впечатления не произвела. Он не однажды видел ее раньше и даже знал, что она скажет.

Старуха мрачно зыркнула из-под лба на потревоживших ее покой людей и со словами «Лифт грузовой. Для тяжелобольных и грузов. Спускайтесь пешком, нечего кататься» демонстративно и с удовольствием упиваясь своей властью закрыла дверь, уселась на свой топчанчик, надела очки и, попивая чаек да почитывая газетку, продолжила бормотать себе под нос что-то неразборчивое.

Они пошли к двери, ведущей на лестницу. Медсестра с поста № 1 заметила их, поднялась со стула и молча выпустила молодых людей за пределы отделения.

– Иногда мне кажется, что Леня специально им деньги платит, чтобы они нас провоцировали, – прокомментировал встречу со злобной старухой Кондратий.

Отчасти Кондратий был прав. Леонид Яковлевич напрямую, конечно же, денег не платил, но и никаких мер для повышения уровня обслуживания не принимал. Вот и получалось, что он некоторым образом пассивно содействовал спорадическим вспышкам грубости со стороны представителей персонала больницы (все, кто работал в 15-том отделении, отличались идеальной вежливостью) и использовал такие случаи для лечения. Когда кто-то жаловался на лифтеров и прочий больничный персонал, Леонид Яковлевич спокойно спрашивал: «Вы хотите об этом поговорить?».

Иногда после такого вопроса во время следующей за ним продолжительной беседы всплывали очень интересные давно забытые психотравмы.

– Зачем тогда лифт вызывали? – спросил он. – Нужно было сразу идти пешком.

– Ну не всегда же она дежурит, – пояснил Кондратий.

Они вышли на лестничную клетку и медленно двинулись по ступенькам вниз.

Между этажами находились огромные с толстыми решетками окна, и в дневное время суток на лестницу попадало достаточно света.

Они шли молча. Их шаги гулко отскакивали от тишины, а звуки жизнедеятельности лечебного корпуса по мере их движения долетали до них как бы отдаленными волнами, которые становились то громче, то тише. Отчетливей их было слышно возле дверей третьего и второго этажей. Оттуда вперемешку доносились стук, плач, смех, выкрики, возня и еще что-то неразборчивое.

В какой-то момент он почувствовал появившийся откуда-то извне страх, который, как ему показалось, он вдохнул. От этого внутри желудка что-то неприятно то ли дрогнуло, то ли екнуло, заставив его поежиться и даже ощутить легкую тошноту.

Но вот они спустились на первый этаж и погрузились в полутьму и сырую прохладу каменного вестибюля.

Здесь располагались несколько кабинетов администрации больницы, диагностические помещения с допотопной техникой, библиотека и красный уголок. Впрочем, последний «красным» был до определенного времени. Со сменой власти в стране он прекратил исполнение своей миссии и превратился в простую, захлавленную старой атрибутикой и никому не нужной идеологической литературой, комнату. А с началом нового тысячелетия этот уголок возродился в совершенно иной ипостаси. И если бы идейным вдохновителям создания обязательного для каждого государственного учреждения и предприятия места для еженедельной политинформационной промывки мозгов кто-либо в их время открыл будущее и рассказал, во что превратится их детище в двадцать первом веке, они с посерьезневшими и поумневшими лицами тотчас же упрятали бы провидца в одну из палат лечебницы этажом выше.

На первом этаже было два выхода: направо – второстепенный, и налево – главный.

Первый выводил сначала в «колодец» – маленький аккуратно и полностью уложенный каменной брусчаткой дворик. Пройдя по нему, можно было попасть в небольшой уютный ухоженный парк.

Вторым выходом пользовались в том случае, когда нужно было пройти на основную территорию больницы.

Они повернули направо. Когда Кондратий открывал дверь, к его слуху долетели обрывки протяжного церковного пения. Но он решил, что ему это пригрезилось на фоне яркой какофонии звуков и шумов второго и третьего этажей.

И вот, наконец, он в парке. Зеленые листья деревьев, пышные кусты и ровно причесанные лужайки радостно приветствовали его. Птицы своим разноголосым пением спешили сообщить, что в целом мире не найти им места прекрасней, чем этот парк. Солнце заглянуло ему прямо в глаза. Он невольно зажмурился, подставил лицо нежным лучам, глубоко вдохнул и выдохнул из себя подхваченную между этажами корпуса муторность и тревогу.

Корпус, в котором функционировало 15-ое отделение, был расположен на территории больницы очень удобно – в одном из ее дальних углов. И это обстоятельство уже само по себе предоставляло широкие возможности для создания и развития своеобразной автономии отделения.

Вначале корпус изолировали от основной части больницы живой изгородью, которая начиналась возле его стен и дальше расходилась от них в обе стороны: вправо и влево. Один ряд кустов был длиной около двадцати метров и примыкал к большому забору больницы. Второй же простирался на двадцать пять метров, после чего делал перпендикулярный поворот и тоже упирался в большой больничный забор.

К великому сожалению Леонида Яковлевича, живая изгородь легко преодолевалась незваными гостями, которые, как гласит народная мудрость, «хуже татарина». Сквозь кусты проникали все, кому не лень, просто так и с определенной целью: и больные других отделений, и медицинский персонал, и посетители, и случайные прохожие, и алкоголики, и бомжи. Поэтому вскоре вместо живой изгороди вырос красивый кирпичный забор, надежно застолбив за 15-ым отделением его суверенную территорию.

В это же время в большом больничном заборе прорубили отверстие и украсили его большими железными воротами с флигелем для вооруженных людей, обеспечив тем самым Леониду Яковлевичу отдельный круглосуточно охраняемый вход и въезд напрямиком в 15-ое отделение.

Они минутку постояли, наслаждаясь свежим воздухом и летним теплом. Перед их глазами простиралась прямая широкая дорога, ведущая к воротам 15-го отделения.

От нее в разные стороны разбегались многочисленные чопорные и опрятные аллеи.

И по поводу этих аллей ему непроизвольно, именно в первый момент их созерцания, вдруг вспомнились две строчки из стиха Александра Сергеевича Пушкина, прозвучавшие в его голове с интонациями старательно декламирующего их школьника:

... Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей...

Ничего такого он, правда, пока не видел, но был уверен, что ему обязательно встретятся и следы, и их обладатели.

Кондратий двинулся по одной из аллей. Он последовал за своим проводником.

Углубившись в парк всего лишь на несколько метров, они оказались у небольшой лужайки, посреди которой он увидел молодого человека – красивого bruneta в темных брюках, летних туфлях и белой рубашке, поверх которой была одета кофта-безрукавка, вытканная разноцветными ромбами. Тот стоял на одном месте, монотонно раскачиваясь при этом. И можно было предположить, что он двигается в такт музыки, мелодия которой слышна лишь ему.

Заметив Кондратия, brunet сразу оживился и направился к ним. Шел он несколько неуклюже, как бы вприпрыжку. Идти ровно и уверенно ему мешало все то же монотонное раскачи-

вание всем телом, которое он мог остановить только в горизонтальном положении. Поэтому, как только он вставал с постели, оно сопровождало его всегда и везде.

– Что, Кондратий? – брюнет остановился в двух шагах от них. – К тебе родственники приехали? – оскалился он в ехидной улыбке. Было явно, что парень заметил сходство между ними и теперь хотел поддразнить Кондратия, чтобы немного поиздеваться над ним.

Видимо, привычный к таким выпадам брюнета, Кондратий, недолго думая, остановился и, копируя его пошатывания, цинично ответил, слегка кривляясь:

– Нет, Демо́н. Это Леня меня клонировал. На случай, если удавлюсь. Тогда его лечить будут.

Брюнет не ожидал такого ответа, недоуменно уставился на них, и даже его покачивания на пару секунд прекратились. Пока он подбирал слова для достойной реплики, они отошли довольно далеко, и кричать что-то им вслед было уже бессмысленно.

Кроме прозвища Демо́н, его еще называли «Мажор IV-го разряда». Такое определение возникло из-за того, что брюнет являлся породистым потомственным представителем местной элиты в ее четвертом поколении. Таких семей или кланов, как его, в стране остались единицы.

Заложил, так сказать, камень благополучия и при последнем царе поднялся «из грязи в князи» еще его прадед Федор. Баснословные богатства он буквально выкопал из земли – нашел золотоносную жилу в Сибири. Заработав себе приличное состояние, простолюдин Федор продал прииск за большущие деньги и поехал в столицу делать себе титул да приобретать вес в светском обществе.

Это ему удалось. Деньги и умение приспособливаться сделали свое дело – Федор Ильич в мгновение ока превратился в многоуважаемого и влиятельного Его Сиятельство графа.

После этого головокружительно стремительного взлета никакие исторические события и катаклизмы уже не могли не то что разрушить, а даже пошатнуть авторитет основанного Федором Ильичом клана.

Умение при любой власти оставаться на высоте и блистать в высшем обществе, независимо от того, из кого это общество состояло, стало характерной чертой их семьи. Присуще оно было и Демону – «Мажору IV-го разряда».

– Зачем вы его так? – спросил он. – Больной же человек.

– Мы тут все больные! – резко ответил Кондратий. – А Демо́н – упырь еще тот. Это он с виду такой – неполноценный. А сам только и ждет, как бы пакость какую сделать.

С тем, что Демо́н, как выразился Кондратий, «упырь», согласятся многие.

Недаром даже его прозвище Демон, производное от имени Дмитрий, было трансформировано в Демо́н. И поставить ударение на первый слог, а тем более произнести такое слово вслух в его присутствии, не осмеливался никто, даже Леонид Яковлевич. Последний – сугубо из меркантильных соображений – не хотел терять постоянного клиента. Другие – чтобы не накликал на себя беду. Большинство из тех, кто знал Демо́на лично, свято веровали, что если его обрить налысо, то в аккурат на макушке можно будет увидеть шифр «ббб». И этим все сказано.

Сам Дмитрий считал, что у него всего лишь два небольших недостатка: некоторая дисфункция опорно-двигательного аппарата и большие да малые эпилептические припадки. В остальном же все отлично – и красив, и умен, и денег немерено.

Однако другие люди, которые тем или иным образом пересекались с ним по жизни, значительно расширили список его недостатков и к оным среди прочих причисляли: безграничную ненависть и жестокость, несносный капризный характер, безудержную тягу к злым шуткам и очень черному юмору.

И это лишь начало списка.

Врачи-психиатры и невропатологи курируют Дмитрия с раннего детства. В самом начале ставить какой-либо диагноз они наотрез отказывались. Это объяснялось тем, что в результате наблюдений за отпрыском столь почитаемых людей решили, что злой, жестокий, истерически настроенный мальчик таким образом просто хулиганит, цинично симулирует болезнь и развлекается, издеваясь над уважаемой врачебной комиссией.

Все точки над «ё» расставил Леонид Яковлевич. Профессор из своих источников узнал о безграничных финансовых возможностях семьи Дмитрия, так поставил диагноз и с усердием взялся за длительное лечение маленького хулигана.

Под чутким присмотром Леонида Яковлевича Дмитрий вырос. Выросли и масштабы его злодеяний. Теперь он мог издеваться не только над животными, но и над людьми. А статус невменяемого больного и беспредельная родительская любовь оставляли безнаказанными все его выходки.

Дорожка плавно повернула вправо. Теперь он увидел изящную сплетенную из лозы беседку. В ней сидели двое.

Молодой человек – весь в черном: рубашка с длинным рукавом, джинсы, туфли, носки. От внешнего мира он прятался за черными стеклами солнцезащитных очков в прямоугольной, но мягко суженной снизу у переносицы оправе. Темные коротко остриженные волосы делали его похожим на заключенного исправительно-трудовой колонии.

Рядом с ним сидела молодая девушка – вся в белом: длинное, почти до пят, широкое платье-балахон; простые босоножки. Легкий ветерок развеивал белокурые локоны, и весь ее внешний вид заставлял всматриваться в нее в надежде заметить золотистый нимб над головой или хотя бы крылья за спиной. Чтобы окончательно уверовать – ангелы существуют.

Коля и Оля откровенно скучали. Как никогда с момента их появления в этом мире. Скучали уже почти месяц, находясь в 15-ом отделении по инициативе своих родителей на принудительном лечении от наркотической зависимости.

Коля в недавнем прошлом самозабвенно злоупотреблял внутривенными инъекциями героина. Оля же страстно пропускала через свои ноздри длинные и широкие кокаиновые дорожки.

Они родились в один день с интервалом в полторы минуты. Их папа, Николай Семенович, решил назвать близняшек в свою честь – Коля и Оля.

Со дня выписки из родильного дома они практически не расставались и почти всегда были вместе. Друзья даже придумали общее для них прозвище – Колики.

Папа Коли и Оли – очень серьезный и уважаемый человек. Он долго служил в органах госбезопасности, а позже открыл частное детективное агентство. Николай Семенович – весьма рачительный хозяин. Он зарабатывал, зарабатывает и будет зарабатывать очень большие деньги. Как он это делает – большая военная тайна.

Папа Коли и Оли всегда стремился к тому, чтобы дети его росли дисциплинированными, закаленными, сильными и не боялись житейских трудностей. Поэтому особо их не баловал, в том числе и карманными деньгами. В семье все подчинялось строжайшей дисциплине и порядку. В общем, жили как на особо секретном режимном объекте.

И до поры до времени такое положение вещей всех устраивало. Пока где-то в классе восьмом-девятом Колики вдруг не осознали, что живут, мягко говоря, не по средствам. То есть, большинство сверстников из их круга сорят деньгами направо и налево. Им доступно все, что только захотят, так как родители ни в чем не отказывают своим чадам. А они, словно бедные родственники на сказочном пиру жизни, довольствуются мизерной частью наслаждений. И это при том, что у их папы возможностей побольше, чем у предков некоторых одноклассников.

Это же ненормально, что тех денег, которые им выдает строгий родитель, хватает лишь на один паршивенький слабоалкогольный коктейль на двоих.

Колики негодовали втихую – открыто выступить боялись.

А дальше...

Эта история долго была на слуху у всего города и его окрестностей, хотя папа прятал концы в воду как настоящий разведчик.

Кто из них и кому проговорился о банках ни Коля, ни Оля сами не помнят. Но факт остается фактом – народ о них узнал.

Дело в том, что Николай Семенович, служа в госбезопасности, вынужденно (такие были времена – требовалась строжайшая конспирация) держал всю свою валюту в трехлитровых банках. В своем гараже он лично ночами наполнял их аккуратно упакованными в целлофан зелеными купюрами, закатывал и тут же закапывал в землю. Позже, когда Николай Семенович ушел в отставку и открыл частное детективное агентство, он стал пользоваться услугами уже настоящих банков. Однако свои первые и очень даже немалые сбережения решил не афишировать и оставил закопанными на черный день.

И черный день наступил. Колики вскрыли первую банку. Потом вторую. И так далее, и так далее...

Вскоре в городе о Коликах стали рассказывать невероятные легенды. Историй, настоящих и выдуманных, о том, как, где, когда, сколько Коля и Оля тратят денег, было такое множество, что Шахерезаде с лихвой хватило бы их для ночных ублажений своего султана на протяжении нескольких лет.

До Николая Семеновича эти рассказы тоже доходили, но он упорно в них не верил, называя все это враками завистников и конкурентов, которые хотят очернить его в глазах постоянных и потенциальных клиентов. К тому же, на папиных допросах Колики вели себя спокойно, уверенно отвечали на все вопросы, умело изображали удивление и соглашались с папиным мнением, что вся информация искусно сфабрикована и, по сути своей, является диверсией против их семьи.

Но, как следует из народного опыта, «не все коту масленица».

Николай Семенович, как-то раз проходя мимо, заглянул в старенький гараж с ревизией, и его чуть кондрашка нехватила – сокровищница была бессовестно разграблена. Разведчик по всем правилам замаскировался, устроил засаду и взял с поличным своих родных детей! Какой позор! От такого беспредела Николай Семенович оказался на грани то ли инсульта, то ли инфаркта.

В тот же день Николай Семенович решил выгнать Колю и Олю вон из своего дома, но жена с помощью веского аргумента «А что люди-то скажут?» охладила его пыл. Он отказался от скоропалительного изначального решения и смягчил приговор – в результате Колики были наказаны домашним арестом.

Пребывание в изоляции от внешнего мира, неожиданно даже для самих Коликов, выявило у них наличие тяжелой наркотической зависимости (ведь раньше они себе ни в чем не отказывали, наркотики были всегда, и такого понятия как «нету» попросту не существовало).

Мать не могла выдержать зрелища ломки и настойчиво ходатайствовала перед мужем об изменении меры пресечения на принудительное лечение, угрожая, что в случае отказа сама поедет искать детям наркотики.

Скрепя сердце, Николай Семенович выделил немалые деньги на пребывание Коли и Оли в 15-ом отделении.

Они вошли в беседку, и он рассмотрел новых людей вблизи. Особое внимание вызывала, естественно, девушка. На ее платье он заметил хитросплетение вышитых белыми нитками узо-

ров. Черты лица девушки были не просто красивы, а идеальны. Она могла бы послужить образцовой моделью для изображения женской половины Олимпа божеств из высших миров.

Наверное, поэтому весь ее облик как-то не вязался с земными проблемами, дразгами и неурядицами. И люди, впервые видящие девушку, очень удивлялись, узнав, что этот точечный, прелестный, божественный, античный, аристократичный носик за время своего относительно недолгого существования на планете Земля уже успел вынюхать около двух килограммов белого порошка под названием «кокаин».

– Привет, Кондратий, – Оля говорила немножко нараспев, как-то легко и непринужденно, иногда вставляя между слов задумчивое «мм-м», убеждающие «да» или «ага», и обильно сопровождала свои монологи жестами. Из-за этой ее манеры говорить у первого встречного могло сложиться впечатление, что она – наивная дурочка. Но Оля таковой не была. Наоборот, она отличалась довольно развитым умом, сообразительностью и хитростью.

Коля, напротив, был молчалив, высказывался мало. С ним приятно было помолчать. И теперь он тоже лишь кивнул головой в знак приветствия.

– Привет, Колики, – поздоровался Кондратий и, отвечая на их вопросительные взгляды, указал на него рукой: – Это мой новый сосед по палате.

Молодые люди подвинулись, и Кондратий сел на скамейку.

– Ольга, мм-м, да, – девушка кокетливо протянула ему руку.

– ИВАН, – представился он, слегка пожав изящную ладошку.

– Николай, – отрешенно сказал Коля, вяло подняв руку в знак приветствия.

– Родственепомнящий, – продолжил он, зачем-то посчитав нужным назвать еще и фамилию.

Колики уставились на него, не предполагая услышать такое имя. Просто не поняли, о чем идет речь. В общем-то, он и сам немного удивился, откуда у него взялись именно такие имя и фамилия: ИВАН – четыре заглавных буквы, Родственепомнящий – слитно. Именно таким образом напечатанными увидел он их в своем воображении.

Он чувствовал, что в слове ИВАН звучало не столько имя, сколько его позиция, его отношение к жизни, его авторитетность, сила и даже, в некотором роде, статус в обществе.

Он продолжал стоять, а Колики смотрели на него, пока Кондратий, доставая из сумочки золотой портсигар, не объяснил:

– У него амнезия. Ничего не помнит. Ни родины, ни флага.

Кондратий щелкнул золотой зажигалкой «###» и прикурил.

– Да? – переспросила Оля. – Как интересно. Садись, ИВАН, – предложила девушка. Он сел рядом с ней, она же продолжила расспрашивать. – И ты ничего-ничего-ничего не помнишь?

Он отрицательно покачал головой.

– Это же, наверно, мм-м, так прикольно. Все как в первый раз... Ага? – Оля откинулась на спинку лавки и представила себе «все как в первый раз».

Фраза, сказанная сестрой, подтолкнула Колю тоже поразмышлять на тему «все как в первый раз». Он отчетливо вспомнил свой первый укол героином. Воспроизвести в воображении всю процедуру было не трудно, так как уже семь дней кряду ему снился один и тот же ужасный сон, в котором он вводит себе дозу героина, но не чувствует абсолютно ничего, даже намек на «приход», и этот факт разочаровывал невероятно, заставляя его просыпаться в холодном поту.

Он вспомнил своего одноклассника, его безразличное лицо, полузакрытые глаза, дымящуюся в уголке рта сигарету и медленные, очень медленные движения. Одноклассник профессионально безболезненно попал в вену и, введя жидкость янтарного цвета, словом «Наступай» закончил инъекцию. А он закрыл пальцем дырку. Где-то секунды полторы-две Коля недоумевал, спрашивая себя: «Ну и что?». Потом эйфория стремительно разбежалась по его телу и

накрыла с головой волной ни с чем несравнимого блаженства. И ему стало хорошо, спокойно, уютно...

В этот момент он понял, почему люди так бегают за героином, почему они лгут, воруют, предают друзей, унижаются – и все ради очередной дозы наркотика. Не все, но значительное большинство способно пожертвовать всем ради этого состояния. Он не оправдывал их. Он просто понял, почему героин управляет их жизнью.

Позже ему встречались люди, которые смеялись над наркоманами, презирали их и называли жалкими существами без силы воли. Еще позже некоторые из вчерашних ярых ненавистников героиновой наркомании сами успешно приседали на иглу и уже не считали зазорным опуститься на глубокое дно.

Это был лучший вечер в его жизни. В жизни прошлой, настоящей и будущей.

Через несколько дней ему захотелось вновь ощутить это неземное блаженство. Но странно, именно такой эйфории, как в первый раз, он не испытывал больше никогда. Он всячески стремился к этим божественным ощущениям, но тщетно.

Поэтому слова сестры «все как в первый раз» представляли амнезию в очень даже выгодном свете. Но в то же время он знал, что свой первый укол не забудет никогда, какая бы амнезия с ним не приключилась.

И Коля перестал думать об амнезии.

Оля, видимо, размышляла о том же, что и брат. Кондратий просто молчал. А он наслаждался своим присутствием в парке.

Через некоторое время Оля пришла к тем же выводам, что и брат, только вместо героина ключевое место в ее воспоминаниях занимал кокаин.

И Оля перестала думать об амнезии.

Она прервала молчание, обращаясь к брату и продолжая прерванный разговор, начатый ими до появления Кондратия и его нового соседа:

– О, как мучительно больно без мобильного телефона. Ты не находишь, брат? – ее голос звучал с наигранным театральным пафосом.

Еще совсем недавно Оля выразилась бы совершенно иначе, сказав «хреново» или употребив матерное слово. Но вот уже почти месяц прошел как она с братом находится на лечении. Естественно, что после бурной и активной светской жизни здесь им сразу же стало скучно просто до невменяемости. И чтобы хоть как-то развлечься и разнообразить свой новый быт, они устроили между собой игру. Суть ее заключалась в том, чтобы в ежедневных беседах избегать матерных слов и выражаться исключительно литературной речью. Играли, разумеется, на деньги. Поскольку папа хладнокровно изъял у них все денежные знаки и запретил свидания с матерью, то счета были пока виртуальными. Итоги подводили каждый вечер перед сном и записывали их в специальную тетрадь.

Сегодня Оля с незначительным отрывом выигрывала у Коли.

– Да, сестра, – в том же духе согласился с нею Коля. – Жизнь, – он на миг задумался, – зловонная фекалия. Денег нет. И еще более мучительно больно за бесцельно проколотые вены.

– Годы, – поправил он.

Колики посмотрели на него, ожидая дальнейших разъяснений.

– Годы, – повторил он и добавил: – «Жить нужно так, чтобы потом не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы». Островский Николай Алексеевич.

На Колю и Олю его слова произвели некоторое впечатление, однако дальше развивать эту тему им почему-то не захотелось, и Оля обратилась к Кондратию:

– Кондратий, мм-м. Я недавно прочитала в газете...

Кондратий перебил ее вопросом:

– Что такое газета?

Она сделала вид, будто поверила в то, что он впервые слышит о таком понятии как «газета», и принялась терпеливо объяснять:

– Газета, мм-м. Это такой большой... – она нарисовала пальцами в воздухе большой невидимый прямоугольник, – кусок бумаги, ага. И на нем печатают разные новости, мм-м, и полезную информацию, да. Однажды про нас с Колей писали. В разделе «Криминальная хроника», да. Но я не об том, мм-м. Я недавно прочитала... Слушай, Кондратий, тебе должно быть это интересно. В Швейцарии, Кондратий, мм-м, есть больница специальная такая, да. И в ней всего лишь за шесть тысяч евро... – она изобразила с помощью пальцев цифру 6, используя для этого по три пальца с каждой руки, пересчитала их и продолжила, – за шесть тысяч евро тебе, Кондратий, сделают эвтаназию. Там можно, ага, а у нас это запрещают.

– Да знаю я, – снова перебил ее Кондратий. – Но я, Оля, не выездной. У меня даже паспорта нет заграничного. Родственники не выпускают, боятся, что за бугром найду что-то похожее и досрочно завершу свой жизненный путь.

– Мм-м-м, бедный, – пожалела его Оля и умолкла.

Все же ей хотелось рассказать хоть какую-то новость, удивить ею Кондратия и нового знакомого:

– А вы знаете новость? На первом этаже церковь открыли, ага, такую чудную... – произнесла она тоном, будто говорила об открытии очередного модного бутика.

– Оля, – Кондратий не хотел слушать подробностей о церкви, так как уже однажды заглянул в нее и больше этого делать не хотел. – Оля, церковь эту открыли давно – уже с полгода будет.

– А почему мы только сейчас заметили? – искренне изумилась она.

– Потому что всегда спускались с той стороны, где библиотека, – объяснил Кондратий.

– Библиотека? Мм-м, – удивленно переспросила Оля.

Кондратий не обратил внимания на этот вопрос и продолжил:

– А церковь – с противоположной стороны. Там, где раньше красный уголок был.

Оля задумалась, вспоминая все свои маршруты передвижения по вестибюлю лечебного корпуса.

– С полами крепче, – выпалил он.

Все трое уважительно посмотрели на него.

– Это ты хорошо сказал, – заметил Коля.

– Это не я, а Булгаков Михаил Афанасьевич, – сообщил он.

После этой фразы он стал своим человеком в компании Колики & Кондратий. Его безоговорочно приняли, начали относиться с уважением как к равному, обращались к нему именно так, как он и представился, то есть ИВАН – четыре заглавных буквы.

Кондратий выкурил сигарету и бросил окурки в урну.

С минуту или более они молчали. Эта пауза и отсутствие каких-либо слов не давили, не отягощали, как иногда это случается в компаниях в тот миг, когда внезапно прерывается разговор и люди напряженно копаются в своих мыслях и воспоминаниях, рыскают в гулких лабиринтах сознания, выискивая какую-нибудь, хоть самую завалящую, тему для продолжения беседы.

В 15-ом отделении и на прилегающей к нему территории паузы в разговорах, короткие и длинные, воспринимались по-иному. Они протекали спокойно и естественно. Никто не насиловал себя мыслью: «Черт, нужно же что-то сказать».

Бывало даже такое, что на групповых психотерапевтических встречах пациенты во главе с врачом садились в круг, а затем ровно через полтора часа вставали, так и не сказав друг другу ни единого слова: ни «добрый день», ни «до свидания». Но при этом все считали занятие состоявшимся.

Леонид Яковлевич не мог не обратить внимание на это явление, поскольку даже самые болтливые в их обыденной жизни люди, попадая в 15-ое отделение, очень быстро и без лишних расспросов привыкали к молчаливым паузам. Они не жаловались, что им не с кем поговорить, что их никто не слушает. И при этом даже не считали это странным и совсем не удивлялись.

Леонид Яковлевич, как человек близкий к науке, не мог не задать себе вопрос: «Почему возникает и с чем связано это явление?». Прямых и конкретных ответов он не находил. Имелись лишь разнообразные «сырые» гипотезы и неубедительные предположения. Поэтому склонен был считать, что, скорее всего, комфортные состояния во время молчания вызваны месторасположением отделения.

Такое мнение было удобно еще и тем, что приводило к дальнейшим умозаключениям, представляющим заведующего в выгодном свете, а именно: поскольку место для отделения выбирал именно Леонид Яковлевич и обустроивал его также он, то заслуга развития и культивирования вышеозначенного явления по праву принадлежит ему.

Потом он увидел... Точнее, вначале услышал медленный шорох тонких колес. Он представил себе велосипед, человека на нем. Ему даже стало интересно, кто этот человек – пациент или врач, и с какой целью разъезжает по парку.

Увы, реальность оказалась очень далекой от созданных им образов, но, тем не менее, явь не утратила привлекательности и так же, как и его фантазии, вызвала у него живой интерес.

С той стороны, откуда пришли они с Кондратием, выехала инвалидная коляска. Ее медленно и осторожно, словно вез наполненное до краев ведро с водой, толкал перед собой высокий, плечистый, сильный санитар, одетый в абсолютно белый костюм, по крою такой же, как сейчас был на нем самом, только с карманами.

В коляске сидела измученная особь. Именно это словосочетание приходило в голову после первого поверхностного взгляда на пассажира коляски. При более внимательном рассмотрении становилось ясно, что это девушка. Очень тощая девушка.

И хотя она пыталась скрыть свою худобу, а заодно и согреться, надев длинный канаречного цвета махровый халат, такого же цвета подколеники и тапочки, все же лицо, руки, очертания фигуры предательски демонстрировали всему миру ее неполноценность, которую девушке и самой пришлось признать после нескольких обмороков в самых неподходящих для этого местах.

Казалось, халат был накинут на швабру, укрепленную в коляске. Руки торчали из рукавов, как карандаши из стакана. Лицо же походило на очень туго обтянутую кожей лицевую часть черепа, разрисованную ярким разноцветным макияжем. Единственное, что в этой фигуре осталось пышного – так это волосы, аккуратно собранные в тугий пучок на затылке.

И для завершения общей картины первого впечатления стоит добавить – конституцию тела девушки в инвалидной коляске народ метко описал двумя словами: «бухенвальдский крепыш».

Девушку называли Родина. И никто из тех, кто ее так называл, не имел ни малейшего понятия о том, фамилия это у нее или прозвище. Наверняка знал Леонид Яковлевич, но его более интересовало другое – анамнез ее болезни. А он был прост и незатейлив.

Родина закончила школу и решила на папины деньги прославиться если не на весь мир, то хотя бы на всю страну и ближайшее зарубежье. Родители искренне поддержали свою дочурку и даже предложили два варианта воплощения мечты любимого ребенка: либо стать звездой эстрады, либо ослеплять собственной звездностью любителей высокой моды у подиумов. Благо,

денег у семьи хватало с избытком – даже на то, чтобы из целой роты солдат сделать сияющих звезд.

Родина выбрала второе. И вот она, снабженная нужными номерами телефонов, получив отеческое благословение и крупный счет в банке, приехала покорять Город.

Все устроилось как нельзя лучше и в кратчайшее время. Вскоре она начала понемногу блистать на различных тусовках, украшать глянцевые страницы модных журналов.

Но через несколько лет модельный бизнес истощил девушку до такой степени, что от бывлой красоты остались лишь кожа да кости.

Ее необузданное рвение к идеальным стандартам, жуткий страх набрать лишние килограммы, диеты и жесткие ограничения в еде (приходилось набивать желудок даже ватой, чтобы создать иллюзию сытости и не страдать от голода), стрессы и склоки в профессиональном кругу сформировали болезнь под названием «анорексия», которая и привела Родину в 15-ое отделение на стационарное лечение. Привела ее именно болезнь, поскольку девушка, по всем канонам психиатрического жанра, отказывалась признавать наличие расстройств психики и обращаться к соответствующим врачам не желала. Наоборот – она усиленно улыбалась и делала вид, что все в полном порядке. Активное отрицание болезни завершилось падением в глубокий обморок прямо на подиуме во время показа очередной новой коллекции. Пока девушка лежала без чувств, врачи, как говорится, воспользовались моментом и госпитализировали ее.

Очнулась Родина в 15-ом отделении и смирилась с назначенным ей курсом лечения. Сопротивляться просто не было сил.

И на сегодняшний день Леонид Яковлевич & коллеги добились некоторых успехов. Больная уже начала ежедневно принимать по несколько ложек пищи и со строгого постельного режима перешла на полупостельный. Ходить ей пока сложно – средней силы ветер буквально валит девушку с ног, поэтому свои короткие прогулки на свежем воздухе она проводит в инвалидной коляске.

Родину заметил не только он. Кондратий и Колики тоже повернули головы в сторону девушки.

Кондратий тихонько запел стихами Юрия Юлиановича Шевчука:

– Родина. Еду я на родину. Пусть кричат – уродина. А она нам нравится. Хоть и не красавица. К сволочи доверчива. Ну, а к нам – тру-ля-ля-ля...

Тут, хотя тон Кондратия был нейтральным и не имел отношения к кому-либо конкретно, Оля перебила его:

– Ну что ты, Кондратий! Нельзя так. Мы должны тут помогать друг другу. А ты...

И сказала она это, наверное, просто из зависти, что не ей первой вспомнилась столь подходящая песня.

Оля не нашла слов, чтобы закончить свой короткий спич. Она встала, улыбнулась и помачала рукой Родине. Та в ответ, собрав все свои силы, приподняла костлявую руку и криво улыбнулась.

Со стороны все выглядело так, будто Оля стоит внутри беседки за перилами, как на правительственной трибуне, и принимает парад, радостно приветствуя его участников.

Что же касается утверждения «мы должны помогать друг другу», то Оля выразила им исключительно свое личное состояние. Она была уже на грани. Еще чуть-чуть, и девушка действительно займется безвозмездной помощью соседям по отделению. Со скуки. И если бы не Коля, который хоть как-то помогал скрашивать стерильные больничные будни, она уже активно воплощала бы в жизнь только что провозглашенный девиз: «Мы должны помогать друг другу».

Странно, но твердо сказанные слова «мы должны», как заклинание, повлекли за собой появление на территории парка двух джипов. По крайней мере, так показалось Коле. Он

почему-то соединил причинно-следственной связью слова сестры «мы должны» с тем, что после них ворота открылись и вовнутрь, сердито урча моторами, ворвались два совершенно одинаковых черных и с затемненными стеклами джипа. Практически каждому человеку при взгляде на них воображение (если оно у него было) невольно дорисовывало обеим автомобилям дуло и делало их похожими на маленькие юркие танчики.

Машины пронеслись по главной широкой аллее и скрылись во внутреннем двореке корпуса.

– О, приехал, старый хрен, – сообщил Коля.

Оля, как и другие, заметила джипы и, наверное, тоже имела по этому поводу какое-то свое нелестное мнение, но обратила внимание на другое.

– Два-ноль, – сказала она, напоминая брату, что игра продолжается.

– Почему? – удивился Коля.

– Слово, – Оля изобразила пальцами кавычки, – которое ты употребил в отношении нашего отца, имеет ярко выраженную негативную окраску и, мм-м, несвойственно литературной речи интеллигентных высокообразованных людей, ага, каковыми мы с тобой, без сомнения, являемся.

У него даже немного закружилась голова от этого длинного и витиеватого предложения.

Но Колю эти слова не смутили:

– К твоему сведению, сестра, это имя существительное я употребил, имея в виду всем известный корнеплод, а не ругательство, о котором ты подумала в силу ограниченности своего ума.

На что Оля парировала:

– Какой же наш папа корнеплод? Мм-м. Или мы в сказке под названием «Чиполлино»? Напомню тебе, брат, что наш папа – генерал в отставке, а не корнеплод. И совсем еще не старый. И вообще, нельзя так про отца! Ага! Приехал, ну и черт с ним. Пускай катится к едреной фене.

– Два-два, – удовлетворенно завершил дискуссию Коля.

Оля как-то быстро согласилась с братом и молчаливо сдалась.

Кондратий достал очередную сигарету.

Он попробовал представить себе Едреную Феню.

Джипы синхронно припарковались. Этим одинаковым маневром водители лишний раз подчеркнули, что машины похожи, словно две капли воды или как однояйцевые близнецы. И только после внимательного осмотра можно было увидеть, что отличие есть – всего лишь одна буква на номерном знаке. Первый джип обозначался словом «АГЕНТСТВО», а второй – словом «АГЕНСТВО». Орфографическая ошибка была допущена сознательно, дабы закамуфлировать единственное требуемое законом отличие между машинами.

Расчет был на то, что слово «АГЕНТСТВО» хорошо знакомо большинству, и человек, видя первые буквы слова – «АГЕ...», дальше не читает, а чисто рефлекторно уверенно вспоминает все слово «АГЕНТСТВО».

И люди, рассматривая обе машины, стоящие рядышком на парковке, не сразу замечали отличительную черту. Некоторые вглядывались, вчитывались и лишь потом отмечали разницу. На скорости же вообще было очень трудно уловить единственное различие между джипами, и во время езды машины запутывали и водителей, и пешеходов, и автодорожных инспекторов.

Все это было придумано ради безопасности Николая Семеновича – владельца и директора некоего частного детективного агентства. Каких-то прямых угроз его жизни не наблюдалось, но, как говорится, «береженого бог бережет». И Николай Семенович берегся.

Из джипов вышли телохранители. За ними показался и сам директор – с опрятным пробором среди седеющих волос, в аккуратной паре темного цвета, при галстукке. Несмотря на многолетнюю военную службу, Николай Семенович сохранил в своей походке черты цивиль-

ного, светского человека. Поэтому, глядя на него, сразу и не скажешь, что он – профессиональный разведчик и сыщик. На ум приходили разные виды деятельности: финансист, брокер, коммерсант и даже альфонс, но никогда что-либо связанное с детективной, следственной или разведывательной работой.

Николая Семеновича сопровождали его люди. Одеты они были весьма разнообразно, но так, чтобы свободно и с легкостью могли бесследно раствориться в толпе. Единственной общей для всех деталью гардероба являлось наличие верхней одежды такого кроя, под которым удобно незаметно прятать кобуру с пистолетом.

Николай Семенович вошел в корпус. В машинах остались водители, а в дворике один из телохранителей.

Николай Семенович пошел по вестибюлю, а второй телохранитель вышел на улицу через главный вход и остался там прогуливаться, чтобы контролировать обстановку.

Николай Семенович поднимался по ступенькам. Теперь за ним шел только один человек – его адъютант. В правой руке он нес небольшой черный кожаный портфель. В нем были некоторые мелочи, необходимые директору в повседневной деловой жизни, начиная от наличных денег и заканчивая мобильным телефоном. Николай Семенович не любил носить что-либо в карманах. Кроме пистолета в кобуре, под пиджаком справа у него больше ничего не было.

Они вошли в коридор 15-го отделения и беспрепятственно проследовали к кабинету заведующего.

Николай Семенович взял портфель у адъютанта, без стука вошел вовнутрь и поздоровался бодрым уверенным голосом:

– Здравствуй, Леонид Яковлевич!

Профессор улыбнулся в ответ, поднялся из-за стола и с распростертыми объятиями направился к гостю.

Они поздоровались. Их лица выражали искреннюю радость от встречи.

Леонид Яковлевич и Николай Семенович – давние друзья. Сферы их профессиональной деятельности впервые пересеклись лет 25 назад, и с того времени они тесно сотрудничали и работали над многими проектами, как государственными, так и частными; над секретными и не очень. Они исследовали всяческих экстрасенсов, моделировали психические заболевания у совершенно здоровых людей, изучали воздействие звуковых волн на поведенческие реакции человека, разрабатывали психотропные препараты и прочее, и прочее, и прочее.

Им нравилось работать «под одной крышей». Частая совместная работа и симпатия друг к другу сблизили их. Нашлись общие интересы и вне работы. Кроме этого, они доверяли друг другу и, не колеблясь, пошли бы вместе в разведку. И это последнее обстоятельство было для обоих, наверное, важнее всего прочего. «Вместе хоть к черту на кулички», – с умилением говаривал Леонид Яковлевич после второй бутылки коньяка, когда они вместе отдыхали от трудов праведных то ли в сауне, то ли на охоте, то ли в ресторане.

Сегодня Леонид Яковлевич пригласил Николая Семеновича, чтобы поручить ему одно дельце.

Они ценили свое личное время, потому без лишних расспросов «как там?» и «что там?» сразу перешли к делу. Начал заведующий 15-м отделением:

– Тут такое дело, Николай Семенович. Попал к нам человечек один, как бы случайно...

Слово «случайно» заинтересовало разведчика, поскольку в случайности он не верил и был убежден, что все поддается четкому планированию. И хотя он причислял себя к атеистам, образ бога со стратегическим планом развития вселенной в руках мирно уживался в его сознании с лозунгом Карла Маркса «Религия – опиум для народа».

– Ну-ну... – Николай Семенович уселся поудобней.

Профессор вкратце рассказал об оплошности санитаров, которая привела к появлению в палате № 6 чужого человека без рекомендаций и направления. Сыщик внимательно выслушал и спросил:

– И что вы ему инкриминируете?

Леонид Яковлевич хорошо знал своего друга и понял, что тот спрашивает о диагнозе:

– Предварительный диагноз – амнезия. Он ничего не помнит.

– Хорошая легенда, – похвалил Николай Семенович.

– Может быть. А может быть и нет, – с сомнением высказался профессор и продолжил. – Вот это я и хочу выяснить. Ты попробуй найти концы. Если родственников найдешь, то он – чист. Если его кто подослал – раскроем заговор!

У Николая Семеновича мелькнула мысль, что в такой способ – симулируя амнезию, можно внедрять резидентов на вражескую территорию.

– Фотографии покажи, – сыщик даже не спрашивал, есть ли фото. Он был уверен, что снимки уже готовы, и не ошибся.

Леонид Яковлевич, словно гадалка карты, веером выложил перед ним на столе с десяток черно-белых фотографий нового пациента и Кондратия, сделанных с помощью системы видеонаблюдения. Пока разведчик их разглядывал и сравнивал, профессор продолжил:

– Завтра повезем его на томограмму головного мозга, чтобы исключить... или подтвердить наличие новообразований.

– Да, – согласился Николай Семенович. – Некоторое сходство есть, но я бы не спутал. Кто платить будет?

– По всему видно, человек он не бедный, – начал Леонид Яковлевич. – Если это действительно амнезия и мы его вылечим, он все вспомнит, в том числе номера своих банковских счетов, и заплатит за все, – профессор выдержал маленькую паузу. – Если это действительно амнезия и ты найдешь его родственников, то они нам заплатят за все. И уже не важно, вылечим мы его или нет. Главное – контракт он подписал.

– Ну, с таким диагнозом, – перебил его разведчик, – можно любой контракт подписывать. Утром проснется и запоет: «Я не Я и подпись не моя». Темное дело, Леонид Яковлевич.

– Вот именно, – сурово заметил заведующий и полушепотом продолжил. – А если копают под нас?

– Под тебя, – поправил Николай Семенович.

– Как знать, как знать, – заметил Леонид Яковлевич.

Разведчик задумался.

– Думай, Коля, думай, – поощрил его профессор. – Лучше перестраховаться, лишний раз проверить, чем потом бегать и затыкать дыры. И тут дело уже не в том, заработать денег или нет. Тут уже на кону все дело. Вся система. И если она рухнет...

– Ладно, – Николай Семенович не хотел слушать дальше. – Я подумаю над этим. Все равно он у тебя в руках и под надежным присмотром. День-два есть на размышления.

Леонид Яковлевич в ответ согласно кивнул.

Николай Семенович собрал фотографии и спрятал их в портфель, потом сцепил руки пальцами в замок, положил их на стол и попросил:

– Покажи мне мои Колики.

Леонид Яковлевич взял со стола пульт, направил его на рисованного золотой замысловатой восточной вязью китайского дракона и нажал кнопку. Створка из красного дерева плавно поехала вниз и открыла зрителям прямоугольник из 12-ти 17-дюймовых мониторов: 3 в высоту, 4 в ширину. Каждый из них показывал часть 15-го отделения или прилегающую к нему территорию.

Честно говоря, Николай Семенович не так хотел увидеть «свои Колики», как в который раз полюбоваться чудом современной техники в кабинете Леонида Яковлевича. Развед-

чик лично помогал разрабатывать и воплощать в жизнь проект видеонаблюдения в 15-ом отделении и очень гордился своей работой. Система функционировала безукоризненно и четко отслеживала всех обитателей отделения, за исключением людей, находящихся в кабинете Леонида Яковлевича.

Профессор снова нажал кнопки на пульте, и все 12 мониторов стали частью одного изображения – крупным планом беседка, в которой о чем-то оживленно разговаривали Колики и Кондратий.

В следующий миг Оля приподняла голову и солнечные лучи ослепили ее. Она рефлекторно закрыла глаза. В носу у нее зашекетало, и она чихнула. Чихнула громко, со всей силы. От резкого движения у нее хлынула кровь носом, и белое платье обильно окропилось алыми пятнами разной величины.

На Николая Семеновича, в общем-то, привыкшего к виду крови, эта картина произвела удручающее впечатление:

– Выключи, – попросил он Леонида Яковлевича. Тот понимающе кивнул и нажал кнопки. Мониторы потухли, створка из красного дерева плавно поехала вверх.

Разведчик возобновил уже завершённый разговор, чтобы отвлечься от грустных мыслей о своих детях:

– Почему бы тебе не сплавить его этажом ниже, обратиться в милицию, и пускай у них болит голова.

– А если это заговор? – возразил Леонид Яковлевич. – Тогда они отступят, затаятся и придумают более изощренный план. Я должен быть уверен, что причин для беспокойства нет.

– Ладно, – окончательно согласился Николай Семенович. – Вся информацию об объекте, которую тебе удастся собрать, передашь мне. Я подумаю, и решим, что делать дальше.

– Завтра во второй половине дня доставлю тебе наше досье, – пообещал Леонид Яковлевич.

На этом они закончили беседу, и профессор провел своего друга к дверям отделения. По дороге они перекинулись парой слов о лечебных процедурах и манипуляциях, направленных на искоренение в умах Коли и Оли болезненного пристрастия к наркотическим средствам.

В цвете чихание Оли выглядело более эффектно, нежели на черно-белых мониторах в кабинете профессора.

Но он этого не видел, потому что в одиночестве прогуливался по отдаленным от беседки безлюдным аллеям парка. Он медленно шел и был полностью доволен своей жизнью, своим присутствием в мире вообще и в этом конкретном лечебном заведении, в частности.

Ему казалось, что время, вся Вселенная, движения всех планет, светил, звезд, галактик – все остановилось и наслаждается одним мгновением лета среди зелени парка...

Урчание в желудке напомнило ему о брэнном теле, которому чужды полеты и стремления души и которое в сей миг настойчиво заявляло о своей потребности в белках, жирах, углеводах, минеральных веществах.

Ему захотелось есть.

– Как неудобно, – подумал он.

Затем он решил возвратиться в отделение. Ведь если был завтрак, то в скором времени подадут и обед.

Он, не спеша, двинулся к исходной точке своего сегодняшнего короткого путешествия по парку.

Возле входа во внутренний дворик корпуса уже стояли Кондратий и Колики. Они ждали его.

– ИВАН, ты, наверно, услышал наши мысли, мм-м. Мы тебя ждали, ага, и хотели уже звать тебя, м-да, как в лесу, знаешь? Ау, ИВАН! – весело сообщила Оля.

Он посмотрел на ее окровавленное платье, на нос и губы с запекшейся кровью, на красные рваные полосы на кистях обеих рук. Ему подумалось, что девушка, видать, уже и пообедала – всласть напилась чьей-то крови прямо из артерии.

Она заметила его изучающий и немного недоуменный взгляд и пояснила, сопровождая свои слова небрежным взмахом руки:

– Чихнула неудачно, м-да. Ничего страшного.

Последние два слова она произнесла скорее для самой себя.

– Пошли, ИВАН. Время обедать, – сообщил Кондратий, и вчетвером они вошли во внутренний дворик корпуса. Джилов там уже не было.

В вестибюле он отчетливо услышал громкое церковное пение, которое доносилось с правой стороны. Ему были видны открытые двери и возле них толпа народу из тех, кому не хватило места внутри. Люди имели потрепанный, неухоженный и нищенский вид: кто побрит «под ноль», кто с взлохмаченными волосами, кто в очках с резинками вместо дужек. Одежда у всех была поношенная, с заплатами: халаты, пижамы, пиджаки в пятнах и платья с выцветшими красками.

И вся толпа, шаркая ногами, хаотично шевелилась: кто пошатывался в такт пения; кто топтался на месте; кто отделялся от гурьбы и, нервно активно жестикулируя, прохаживался тут же и что-то доказывал непонятно кому – себе или невидимому собеседнику, а потом присоединялся к массе, задирая голову и вглядываясь в происходящее внутри.

Желтый свет свечей выливался изнутри через открытые двери, с трудом рассеивал полутьму вестибюля, наткнулся на толпу и создавал на стенах и полу загадочный первобытный танец теней.

– Пошли, чего стоишь, – легонько подтолкнул его Кондратий.

Он оторвал свой взгляд от прихожан церкви и поспешил вслед за Кондратием. Когда они дошли до дверей, Колики уже стояли возле лифта, и Оля вела оживленный разговор с лифтершей:

– Ты что, старуха? Не видишь? Я вся тяжелобольная! Да! – Оля взяла в руки подол своего платья, приподняла его перед лицом женщины. – Видишь? У меня большая потеря крови! Ходить тяжело. Понимаешь? Я сейчас в обморок упаду.

Оля вошла в лифт и потащила за собой Колю:

– Он со мной. Он меня сопровождает. Поняла?

Лифтершу активные действия, слова, да и весь вид Оли очень напугали. И ей ничего не оставалось, как отвезти девушку на четвертый этаж и таким образом избавиться от нее.

Когда они вошли в свою палату, обед уже стоял на столе в легкой дымке пара, притягивая к себе вкусным ароматом.

Кондратий сразу уселся за стол. А он сначала взял с полки книгу «Психиатрия». И лишь после этого присоединился к своему соседу.

Он положил книгу слева от себя и открыл ее на странице 78. Правой рукой он орудовал ложкой, а позже и вилок. В левой держал хлеб и нею же водил по тексту. Он даже особо не обращал внимания на то, что ест. Его занимала и увлекала классификация амнезии. Прочитав часть текста, посвященного потере памяти, он кратко заметил:

– Амнезия многолика.

Кондратию было все равно, но он, с набитым едой ртом, в ответ все же промычал что-то, означающее полное согласие с собеседником.

– А вот это мне нравится, – радостно отметил он, прочитав еще несколько строк, и произнес вслух название одной из разновидностей амнезии, – диссоциативная фуга... Согласитесь, Кондратий, в этом диагнозе есть что-то музыкальное, возвышенное и мелодичное.

Кондратий кивнул в ответ и коротко заметил:

– Бах.

– Что бах? – не понял он.

– Не что, а кто, – уточнил Кондратий.

– А, вы про Иоганна Себастьяна, – догадался он.

– Да, – кивнул Кондратий, – наиболее полное выражение фуга получила в сочинениях Иоганна Себастьяна Баха, – процитировал он короткий отрывок, оставшийся в его голове со времен посещения музыкальной школы.

– Пожалуй, с диагнозом все ясно, – пришел он к выводу. – Диссоциативная фуга мне подходит по всем параметрам. Вот послушайте, Кондратий.

И он прочел краткое описание расстройства:

– «Диссоциативная фуга – более тяжелое заболевание, чем диссоциированная амнезия. Больные диссоциативной фугой внезапно уезжают в другое место и там полностью забывают свою биографию и личные данные, вплоть до имени. Иногда они берут себе новое имя и новую работу.

Диссоциативная фуга длится от нескольких часов до нескольких месяцев, изредка дольше, после чего больные так же внезапно вспоминают свое прошлое. При этом они могут забыть все, что происходило во время фуги».

Кондратий слушал вполуха, но суть уловил.

– Все, как у меня, – продолжал он. – Ага, вот еще подходит.

И он прочел еще один отрывок:

– «Диссоциированная амнезия – амнезия, при которой забываются факты из личной жизни, но сохраняется память на универсальные знания. Диссоциированная амнезия обычно является результатом психической травмы».

Потом он подумал и сказал:

– Я бы свое состояние определил так: «Спонтанная диссоциированная амнезия психического генеза, осложненная диссоциативной фугой».

Потом подумал еще и добавил:

– Интересно, а что скажут врачи?

Кондратий в ответ лишь улыбнулся.

Тетрадь цвета ореховой скорлупы

16-ое июня, понедельник

После сытного обеда удовлетворенное тело желало покоя в горизонтальном положении для равномерного последовательного распределения только что принятых вовнутрь энергоносителей. Он повиновался этому импульсу, удобно расположился на своей кровати и занялся мыслительной работой.

В голове закружились легкие мыслеформы, сотканые из впечатлений, полученных по ходу обретения нового жизненного опыта. В чем он мог быть уверен, так это в том, что он есть, существует, располагает телом и мыслями. К тому же, телу приходится уделять время от времени внимание, да и мыслям, пожалуй, тоже. И, судя по всему, если он об этом помнит, значит, такая организация жизнедеятельности есть не самое досадное, что могло и может еще с ним случиться. Здесь. Но что-то же случилось раньше и не здесь...

Кто-то из персонала отделения прервал его мысли своими активными движениями. Кто именно, он не посмотрел. Только слышал, как быстро и четко убирали грязную посуду со стола и позже громко хлопнули дверью.

В его легкие просочился аромат сигаретного дыма.

– Кстати, – заметил Кондратий, – попроси у медсестры... Пусть принесут диск с Бахом. Устроим вечер классической музыки.

– А здесь есть? – спросил он.

– Должен быть, – Кондратий выпустил дым. – Нынче среди современных психиатров и психотерапевтов классика в моде. Один врач даже с гордостью рассказывает, что своему новорожденному сыну возле колыбели включает «Реквием» Моцарта, – Кондратий хмыкнул. – Надеется гения вырастить... Наивный.

Он порылся в воспоминаниях. Оказалось, что там, кроме уже спонтанно найденных цитат из литературных произведений, имеются также и обрывки музыкального сочинения под названием «Реквием». Он даже сразу вспомнил полное имя композитора – Вольфганг Амадей Моцарт.

Кондратий затушил окурок в пепельнице. В другом месте он без зазрения совести выкинул бы сигаретный бычок в окно, но в 15-ом отделении разбрасывание мусора считалось осквернением территории и окружающей среды, а поэтому строго наказывалось. Так строго, что даже по-своему безбашенные Колики, отчаянный фаталист Кондратий и злой гений Демон вняли требованиям учреждения и соблюдали правила.

И здесь, как говорится, «ларчик просто открывался», точнее, закрывался. У Леонида Яковлевича имелся в арсенале один, но очень действенный способ воздействия. Нет, все же их было два. Но достаточно было и одного. О втором заведующему уже не было необходимости даже упоминать.

Леонид Яковлевич монотонным бездушным голосом торжественно обещал, что злых нарушителей режима и порядка он лично отправит жить этажом ниже. Здесь профессор обязательно напоминал: «На бюджетные хлеба». Срок ссылки при первом нарушении – семь дней. Злым нарушителям – пожизненный. И добавлял, что в этом справедливом порыве его не остановит никто, даже криминальный кодекс, потому как «здесь вам не там». Заканчивалось обращение к еретикам цитатой из фильма «Формула любви»: «Голова – предмет темный и исследованию не подлежит».

Леонид Яковлевич не врал и не рисовался. Он мог такое устроить легко «что два пальца об асфальт». Верили все. Укрепить веру знанием решили двое, правда, из разных побуждений.

В свое время Демон и Кондратий побывали этажом ниже, где познали в сравнении и крепко осознали все преимущества 15-го отделения. Вернулись они оттуда с кардинально обновленными взглядами на бытие.

Кондратию даже целый год нравилась жизнь.

Теперь они делились своим опытом с другими, поэтому никто, в том числе и они сами, не пытался повторить их подвиг.

Кондратий улегся на кровать и продолжил:

– А если нету, то найдут, – и торжественно объяснил почему. – Здесь все ради тебя! Только выздоравливай. И если тебе, ИВАН, чтобы поправиться, нужен белый индийский слон, то Леня сюда доставит и слона, и слоницу в придачу, чтобы слоник не скучал и положительно повлиял на твое излечение.

– Серьезно? – заинтересовался он.

– А то! – уверенно и с ноткой гордости ответил Кондратий. – Только сначала Леня все просчитает, взвесит и если поймет, что ты его не дуришь, то сделает любое. Цифра за лечение, конечно, вырастет, но на здоровье, особенно психическое, денег не жалко. Так что с музыкой проблем, думаю, не будет, – Кондратий зевнул. – Иди и заказывай. Слушать есть на чем.

– А чего вы не пойдете? – спросил он.

– Тебе нужнее. Твоя же идея про фуги, – объяснил Кондратий. – Чисто ассоциативно. Фуга – Бах – музыка. А дальше еще что-то вспомнишь. Может быть.

– О, я вижу у вас опыт, – с уважением заметил он.

– Да, – без ложной скромности согласился Кондратий. – Мой опыт, скорбь умножающий⁶, подсказывает мне, что если пойду просить выдать Баха я, то надо будет сказать правду. По пустякам я врать не люблю. Вот и придется сказать, что прошу для тебя.

– Ну и что? – удивился он.

– О, брат! – театрално продолжил Кондратий. – Начнутся расспросы типа «Почему ты решил это сделать?», «Для чего?», «С какой целью?», «Какое тебе дело до него?». И тэ дэ и тэ пэ.

Он чуть не рассмеялся:

– Почему?

– Потому что, ИВАН, психотерапия – это такой необратимый процесс, в котором все имеет значение, даже размер. Сам увидишь, когда за тебя возьмутся эскулапы. А теперь – тихий час, – Кондратий повернулся на бок и снова зевнул.

– Что значит «тихий час»? – уточнил он.

– Сиеста, – пробормотал сосед, – послеобеденный отдых, – каждое последующее его слово звучало все тише. – Передвижение по отделению не запрещается, но и не приветствуется.

Последняя фраза прозвучала почти неразборчиво, превратившись в сопение и похрапывание.

Кондратий уснул.

В 15-ом отделении ревностно чтили четкий распорядок дня. Завтраки, обеды и ужины появлялись в палатах с точностью до секунды. Все назначенные процедуры и манипуляции проводились именно в то время, на которое были запланированы.

Леонид Яковлевич, человек чрезвычайно пунктуальный, а в некоторых вопросах даже педантичный, любил порядок и требовал такого же подхода к работе от своих подчиненных.

⁶ Оригинал цитаты от Соломона: «Во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь».

Разумеется, в пределах статистической погрешности профессор допускал сбои налаженной системы вверенного ему звена здравоохранения. Но лишь в случаях: а) неадекватности пациента вследствие психического расстройства; бэ) с непривычки и по незнанию – когда пациент только входил в новый распорядок времени, он мог невзначай нарушить режим.

Но как «а», так и «бэ» случались крайне редко. Вся атмосфера и, если можно так выразиться, аура 15-го отделения была пронизана порядком. Свод правил просто витал в воздухе и легко, естественно, воздушно-капельным путем через бронхи, легкие, а затем по кровеносному руслу, оседлав эритроциты, проникал в головы персонала и больных, формируя у них на подкорке устойчивый поведенческий стереотип.

Некоторые «выпускники» – так, то ли в шутку, то ли всерьез, называл Леонид Яковлевич всех, кого выписывали из отделения – настолько привыкали к больничному режиму, что придерживались его и дальше по жизни. Двигались ровно и монотонно, будто по накатанной колее.

Сегодня, как всегда после обеда, в 15-ом отделении на 60 минут наступил тихий час.

Ему же спать не хотелось. И он решил найти себе какое-либо занятие.

Осмотрев еще раз палату, он понял – деятельность его будет сугубо виртуальной, потому что материальных предметов, которые заинтересовали бы его сию минуту, не наблюдалось.

А между тем, лежать было приятно, вставать не хотелось, солнце продолжало неустанно изливать свое тепло и свет через окно вовнутрь. Кроме естественных умиротворяющих живых звуков парка, к нему не долетали никакие другие посторонние шумы.

Он представил себе сцену с включенными прожекторами и рампами, освещающими декорации. Все артисты ушли пообедать. Осветители, суфлеры, режиссеры и иже с ними также удалились. Нету шума, гама, истерик, ссор, криков, беготни и суеты. На душе покойно и светло.

В саду возле дома растет громадный величественный древний дуб. Он появился здесь задолго до того, как возвели этот дом и разбили сад вокруг него. Он вырос и тянулся вверх к солнцу давным-давно, и в то время на земле еще не жили люди, поселившиеся здесь. И не было мальчика, катающегося на качелях.

Одна толстая ветка дуба, словно выпрямленная жилистая рука, тянется к дому, к его окнам. К этой ветке хозяин привязал веревки с дощечкой. И получились качели для мальчика, который теперь на них катается.

Ребенок взлетал вверх, пытаясь дотянуться ногой до зеленых листьев другого дерева, падал вниз, потом снова со свистом приближался к синему небу. Ветер приятно холодил и щекотал все его тело. Мальчик, сидя на дощечке, откидывался назад и нагибался вперед, чтобы взлететь выше, выше, еще выше.

Налетавшись всласть, мальчик решил найти для себя другое занятие. Он просто замер. Качели по инерции продолжали свое маятниковое движение, но всякий раз поднимались все ниже, а после и вовсе остановились.

Мальчик легко спрыгнул и радостно побежал к дому, поднялся по ступенькам, громко стуча сандалиями по дощатому полу веранды. Пошел к дверям, без усилия открыл их и очутился в просторном прохладном кабинете.

Мальчик здесь не впервые, но каждый раз, входя сюда, он чувствует некую загадочность. Сердце его бьется чаще – от возбуждения, от предвкушения того, что скоро, прямо сейчас ему откроется еще одна тайна.

Мальчик осторожно, чтобы не растерять свои приятные ощущения, входит внутрь. Он пока недостаточно высок для этого мира, но здесь он чувствует себя еще ниже. Возле стен высоченные, под потолок, шкафы, уставленные неисчислимым количеством книг. Огромные кожаные кресла, диван и массивный рабочий стол заполняют собою почти всю площадь кабинета, делая его похожим на городок с домами и узенькими улочками. И от этого появляется

ощущение сказки, будто попадаешь в другой фантастический мир. Мальчик гуляет по этому городку в поисках новых приключений.

Еще одна дверь, массивная, с латунной блестящей ручкой, выводит в коридор дома, но мальчику нужно другое. Он двигает одну из лестниц на колесиках вдоль ряда шкафов возле одной из стен, взбирается по ней уверенно – так, будто знает, что ему нужно. Берет одну из книг в ярком переплете и осторожно, чтобы не уронить драгоценную ношу, спускается вниз. Потом оглядывается какой-то миг по кабинету в поисках подходящего места именно для сегодняшнего чтения.

Идет к дивану и взбирается на него, словно на небольшую горку. Удобно устраивается в самом углу, кладет на колени книгу, раскрывает ее и, беззвучно шевеля губами, медленно водит пальцем по строчкам, начинает читать...

Ему не угнаться за полетом детской фантазии. Перед ним снова освещенная сцена с декорациями. По ней уже начинают деловито сновать артисты, осветители, суфлеры, режиссеры и иже с ними...

Он открыл глаза. 60 минут тихого часа истекли. 15-ое отделение в привычном для него темпе перешло в следующую фазу своей жизни.

Кондратий тоже проснулся. Он протер глаза и сладко потянулся. Затем встал, размялся и, прихватив свою сумочку, молча направился к дверям.

Он проводил взглядом своего соседа и решил поинтересоваться:

– Опять идем гулять?

Кондратий резко остановился, посмотрел на него так, будто видел впервые, будто голос его и присутствие – полная для него неожиданность. Но быстро сориентировался и с улыбкой ответил:

– Нет, ИВАН. Если все время гулять, то когда же лечиться? Вставай, думаю, сейчас нам по пути.

И Кондратий оказался прав.

Когда он подошел к посту № 4, чтобы попросить диск с фугами Баха, медсестра не только пообещала удовлетворить его пожелание, но и сообщила, что он сегодня записан на сеанс групповой психотерапии.

Пока он беседовал с медсестрой, Кондратий, который был записан туда же, уже приближался к посту № 1. Не теряя из виду своего соседа, он последовал за ним. К тому же он помнил, где находится комната для групповой психотерапии. И это радовало. Радовало, что он помнит. Радовало, что он знает, куда идти. И очень радовало, что впереди его ожидают новые впечатления.

Комната для групповых занятий была очень просторная – в три окна. Тут находился маленький, полукругом возле стены, невысокий подиум. На нем размещалась доска с фломастерами. В одном из углов – шведская стенка, а рядом с ней разнообразные мягкие игрушки, конструкторы и кубики. Пол комнаты был устлан мягким ковровым покрытием. На стенах среди пейзажей в рамках и сюрреалистических композиций, очень напоминающих пятна Роршаха, висело множество масок, простых и незатейливых, серого цвета, но каждая из них красочно выражала одну какую-то эмоцию – в регистре от мрачной депрессии до маниакальной радости. Разноцветные шторы на окнах придавали комнате яркости и оптимизма. На стене, напротив подиума, находились большие круглые часы с широкими черными стрелками и цифрами.

Когда он вошел в эту комнату, то в ней, образуя некое подобие круга, уже сидели все знакомые ему лица. Колики устроились рядышком на стульях. Через два свободных места слева от них покачивался Демо'н. Напротив Коли и Оли, закинув ногу на ногу, расположился Кондратий. Возле него справа на своей инвалидной коляске припарковалась Родина.

Он осмотрелся и выбрал себе место, с которого были хорошо видны и вся комната, и дверь.

В течение трех-четырех минут к ним присоединились...

...Артурчик.

Бизнесмен средних лет, среднего роста, средней руки. С пузом для солидности и в строго прямоугольных очках от близорукости. Одет он был в больничное, но не расставался с борсеткой. Раньше, до того, как Артурчик попал в 15-ое отделение, в борсетке он носил много важных и полезных вещей. Теперь же в ней находились картонные упаковки из-под таблеток, сложенные вчетверо газеты и мыльница. Время от времени Артурчик запирался в туалете, садился на унитаз, клал одну ногу на колено другой и, приложив к уху мыльницу и нервно дергая ступней, «решал вопросы и актуальные маркетинговые задачи», как раньше он это делал с помощью мобильного телефона.

Леонид Яковлевич знал о нездоровом увлечении Артурчика мыльницей (благо, везде видеокамеры), но относился к этому лояльно. Никаких мер для борьбы с этим расстройством он пока не принимал, поскольку Артурчик поступил совсем недавно, без году неделя, и на переходном этапе такие заместительные реакции считались даже полезными.

Артурчик обратился к Леониду Яковлевичу с жалобами на навязчивую идею, суть которой состояла в том, что все его постоянно пытаются обмануть; что ему специально, со злым умыслом, подсовывают прайсы с безбожными ценами; другие же там, где он переплачивает, получают громадные скидки. Эта идея преследовала его и в молодости, когда он с дипломом журналиста пошел работать менеджером в рекламное агентство. Но тогда она его мало беспокоила, и Артурчик мог легко скрывать свое негодование, раздражение и убеждать себя, что он платит правильную цену.

В настоящее время, когда Артурчик, пыхтя и неимоверно напрягаясь, добрался до середины карьерной лестницы и стал директором, но далеко не владельцем рекламного агентства, в котором начинал, ему стало нелегко с этой его навязчивой идеей. То ли годы не те, то ли работать стало сложнее. Плюс к этому, идея отягощалась мыслью, что зарплаты он выдает зря, так как в агентстве работают одни бездельники и прощелыги. В общем, сдерживаться Артурчику становилось все сложнее. К тому же все чаще стал замечать, что клиенты удивляются, а подчиненные ропщут. И это вызвало у него дополнительное сильнейшее беспокойство.

Леонид Яковлевич предложил короткий курс стационарного лечения. В первые же дни выяснилось, что Артурчик еще и вполне сформированный хронический трудоголик: не умеет ни работать, ни отдыхать. Так что, судя по всему, его пребывание в 15-ом отделении будет более длительным, нежели предполагалось вначале...

...Графиня Кэтрин Демидова с племянницей Галлиной.

Кэтрин Демидова здесь проездом. Эта высокая и чопорная; прямая, как стрела; сжатая, как пружина; натянутая, как струна, женщина с седой прической очень напоминала макет средневекового замка. Да и одета она была соответствующе – в черное строгое платье, украшенное алмазной брошью на стоячем воротничке.

Кэтрин Демидова – англичанка. Ее родители вынужденно эмигрировали на туманный Альбион в начале двадцатого века, оставив на растерзание и поругание пролетариату и крестьянам несколько своих дворянских гнезд – крупных имений, дома в которых смело можно причислять к шедеврам русского зодчества и памятникам архитектуры.

И вот, чуть ли не через сто лет после бегства родителей из страны, престарелая, но довольно активная Кэтрин, которая ни разу еще не была на исторической Родине, решила восстановить справедливость – собрать воедино наследие Демидовых и вернуть родовое имущество в лоно любящей семьи.

Вместе с ней осуществлять этот благородный, но очень тяжелый замысел отправилась племянница Галлина – добрая, скромная, образованная, воспитанная девушка. Она искренне помогала тетушке во всех ее делах.

И дела, надо сказать, шли хорошо, местами даже отлично. Рекомендательные письма, связи, репутация, близкие и дальние родственники – все эти факторы играли положительную роль и графиня Демидова, где частью, а где и целиком, возвращала поместья или получала солидную компенсацию.

Дела шли неплохо, но, как по ходу оказалось, только на территории европейских стран, присоединенных к соцлагерю по окончании второй мировой войны.

Как только Кэтрин Демидова пересекла границу и, вкусив дым Отечества, попала на Родину, ее годами выдержанный, выпестованный лучшими педагогами, гувернерами и учителями английский консерватизм дал течь. Если описывать случившееся на русском, то «и на старуху нашлась проруха».

Достигнуть чего-либо не представлялось возможным. Чиновники подолгу рассматривали ее заявления и требования, неоднократно приглашали на встречи, намекали на вознаграждения и просили на благотворительность. Она то и дело оказывалась в длиннющих очередях, в которых никто не обращал на ее аристократическое происхождение ну совершенно никакого внимания. Ее чопорность и выдержка, попадая в бюрократическую машину, стали рассыпаться в пыль и развеиваться по ветру.

У графини начались жуткие мигрени.

Последней каплей, которая переполнила чашу, стал осмотр дома в одном из бывших поместий.

Кроме того, что эти невежды осмелились превратить любимейшую усадьбу родителей в сиротский приют, жестоко перепланировать ее, так они еще и не прилагают никаких усилий по сохранению этой архитектурной жемчужины для истории и потомков!

Сердце и разум Кэтрин Демидовой не выдержали надругательств и вандализма над семейными ценностями – с нею приключилась истерика.

Ближайшим достойным ее статуса и положения в обществе лечебным заведением оказалось 15-ое отделение.

И Леонид Яковлевич лично взялся восстановить былое равновесие графини, не забывая о предписанных протоколом правилах, естественно.

Кэтрин Демидовой здесь понравилось. Позже она собиралась для укрепления лечебного эффекта посетить еще и местный курорт минеральных вод.

Племянница следовала за тетей всюду, поэтому в 15-ом отделении они жили в одной палате. Галлина с интересом наблюдала больничную жизнь, соблюдала ее правила и вот уже два дня мечтала стать врачом. Каким именно, она пока не решила...

...Последним появился доктор. В отличие от врачей 15-го отделения, он был без халата – в джинсах, вельветовом пиджаке и белой рубашке.

Леонид Яковлевич приглашал его для проведения сеансов групповой психотерапии.

Антон Карлович со всей любовью к себе и своей профессии занимался порученным ему делом. Весь вид его располагал к душевным беседам. Он был в меру упитанным, но с жирком про запас. Его открытое лицо с мягкими чертами украшали пышные усы. Весь вид доктора напоминал мягкотелого добродушного и безобидного моржа. Однако это не мешало ему бывать, когда надо, строгим и требовательным.

Антон Карлович не был приверженцем какого-то одного направления в психотерапии. Он удачно соединял разные подходы и стили, на основании личного опыта создавал свои техники, что делало его оригинальным и востребованным специалистом.

Кроме этого, следует отметить, что далеко не каждый психотерапевт мог сладить с пациентами 15-го отделения, собранными в одной комнате. В одно время Леонид Яковлевич проводил своеобразный необъявленный кастинг. И было много званых, да мало избранных. Антон Карлович сумел пройти предложенные ему испытания. И благодаря своим умениям справедливо снискал себе почет и уважение.

Также у Антона Карловича была привычка поглаживать себя по толстым ляжкам. Делал он это автоматически и по-разному – в зависимости от мыслительно-аналитических процессов, происходящих в его голове. Когда он думал интенсивно, поглаживания были синхронными и быстрыми; когда вспоминал что-то приятное – медленными с прижимом; когда принимал решение – ладони двигались вразнобой, а когда радовался, то даже похлопывал по ноге в такт мелодий военных маршей.

Антон Карлович сел, привычным рефлекторным движением положил ладони на ляжки и начал сеанс:

– Здравствуйте, – поздоровался он со всеми, а потом посмотрел на него и добавил: – Вижу, в нашем кругу новый человек. Расскажите о себе?

Хотя он обращался к нему, ответил Кондратий:

– Он бы рад рассказать, Антон Карлович, да не может. У него полнейшая потеря памяти.

Доктор улыбнулся в ответ и холодно заметил:

– Кондратий, вы же прекрасно знаете наши правила – здесь каждый отвечает сам за себя, – и вопросительно посмотрел на него.

Он почувствовал, что может просто отказаться говорить, но все же решил кое-что сообщить. И начал с имени:

– Меня зовут ИВАН Родстванепомнящий. Как меня звали до сегодняшнего дня, я не помню...

Доктор хотел что-то уточнить, но его опередила Оля и быстро протараторила:

– А давайте, мм-м, мы все сегодня будем под вымышленными именами. Давайте. Я буду принцесса Диана. М-да. Она ведь умерла и ей, наверное, все равно, кто возьмет себе ее имя.

Ее поддержал Коля:

– Ну, тогда я – Николай Второй.

Графиню, сидевшую до этого с непроницаемым лицом, покоробил такой зачин, и она с нескрываемым раздражением высказалась:

– Не понимаю, что это у вас за нездоровое стремление приобщиться к венценосным особам...

Ее племянница поспешила успокоить графиню:

– Тетушка, это ж понарошку, как в домашнем театре, – и вдохновенно продолжила: – Я буду Марией Терезией.

Кэтрин Демидова успокоилась, смягчила свой тон и согласилась:

– Если понарошку, то пускай. Я тогда Ее Величество Королева Англии Елизавета Первая, дочь Генриха Седьмого.

Артурчик заерзал на стуле. Ему хотелось что-то сказать, как-то достойно представиться, но, кроме слов «медиаплан» и «видеоряд», в голову ничего не приходило. Его беспокойство заметила Оля и помогла ему.

– Артурчик, мм-м. Ты же король Артур!

Артурчик обрадовался, облегченно вздохнул, поднялся и, гордо держа борсетку под рукой, подтвердил:

– Да, я – король Артур! Неутомимый и такой, – Артурчик напрягся и сделал паузу, – что меня не проведешь!

– А я Кондратием останусь, – медленно начал Кондратий, – чтобы схватить вас всех, – он сделал резкое хватательное движение, – и положить конец вашему правлению!

– Да, Кондратий! – подхватил Демо'н. – Хватай их и тащи в мое царство. В царство великого Аида.

Родина не успела сказать ни слова. Пока она собиралась с силами, действие молниеносно перешло к следующему акту.

Антон Карлович понял, что процесс пошел, и потому, довольно потирая толстые ляжки, не вмешивался, а лишь с интересом наблюдал за происходящим.

Перед доктором разворачивалась преинтереснейшая картина.

Пациенты...

...повскакивали со своих мест и, шумно переговариваясь, начали что-то сооружать из подручных средств, бросили эту затею на полдороге, потом снова возвращались к ней несколько раз.

...возили Родину на коляске по подиуму и по комнате, ссаживали ее, клали, словно манекен, на пол, танцевали вокруг нее, потом поочередно садились в коляску и ездили по комнате.

...выходили на подиум, рисовали фломастерами на доске карикатуры друг на друга, подписывая их матерными словами.

...забирали у Артурчика борсетку, и он ползал на коленях со слезливой просьбой вернуть ее обратно.

...прятались за шторы, строили игрушки в ряд, командовали ими, вылезали на шведскую стенку и прыгали с нее.

...о чем-то спорили, потом обнимались, грозили друг другу кулаками и снова обнимались.

Антон Карлович вертел головой во все стороны, чтобы постоянно «быть в теме» и ничего не упустить.

Два час пролетели в один миг. Доктор взглянул на большие часы, потом на свои наручные, затем громко хлопнул в ладоши и объявил:

– Стоп игра. Замрите.

Все послушно повиновались. Доктор продолжил:

– К сожалению, мы вынуждены прервать нашу встречу, поскольку время вышло. Садитесь.

Все расселись по своим местам. Антон Карлович начал анализировать и подводить резюме.

Он слушал рассеянно, так как мысленно был далеко-далеко от 15-го отделения. Поэтому и не понял ничего из того, о чем говорил доктор.

Ему виделся остров – огромный, суровый, неприветливый. Остров прятался за густым, сизым и вязким туманом, но полностью укрыть свои гигантские размеры от людских глаз не мог. И сквозь рваные дыры в тумане, возникавшие то в одном месте, то в другом, виднелась неприступная непроходимая тайга – первозданный лес, таящий в своих чащах неисчислимые сказочные сокровища.

Остров кутался в туман только по привычке. Надежды остаться неизведанным уже давно канули в лету. Люди нанесли его контуры на свои карты, дали ему название и строили на нем свою жизнь. Жизнь странную и удивительную, название которой – каторга.

Он не был ни на острове, ни на каторге. По крайней мере, в этой жизни... По крайней мере, он этого не помнит.

Но живописный образ возник в его сознании с определенной целью – объяснить, откуда взялось его новое имя ИВАН.

И он вспомнил книгу серого цвета с черными большими буквами «КАТОРГА» и с белыми буквами поменьше «Валентин Пикуль». Также всплыло в памяти и понятие «иваны» – высшая тюремная элита, повелевающая криминальным миром.

Был ли он таким же?

Или, быть может, вся минувшая жизнь его просто-напросто превратилась в каторгу, стала несносной, словно тяжелые железные кандалы, и он просто сбежал с нее, как сбегают заключенные из тюрьмы, готовые отдать все за один глоток свободы.

Когда он снова увидел комнату, доктора уже не было. Зашла медсестра и увезла Родину. Все поднялись со своих мест, чтобы покинуть помещение.

К нему подошла графиня с племянницей. Он встал. Женщина протянула ему руку с белыми длинными пальцами и представилась:

– Графиня Кэтрин Демидова.

При этом она держала ладонь так, что невозможно было понять, чего она ожидает: рукопожатия или поцелуя. Жест этот графиня делала сознательно, дабы «увидеть» человека и сделать, исходя из его выбора, те или иные выводы и уже на их основании строить дальнейшее общение.

Он слегка пожал ее руку, четко и как-то по-офицерски кивнул головой:

– ИВАН Родственепомнящий. Приятно познакомиться.

Графиня с довольным и доброжелательным лицом представила племянницу:

– Галлина, моя племянница.

Галлина улыбнулась, скромно потупила глаза и сделала элегантный книксен.

После этой короткой, но насыщенной ценной информацией церемонии графиня с племянницей развернулись и, шурша платьями, удалились. В голове Кэтрин Демидовой под громкие звуки марша Мендельсона разыгрывалась блестящая партия: Галлина плюс ИВАН равняется здоровые и красивые потомки, а значит – уверенное продолжение рода Демидовых.

В коридор он вышел вдвоем с Кондратием. Тут же к ним присоединился Артурчик. Последний, словно просящая прощения нашкодившая собака, поскуливая, обратился с вопросом:

– Кондратий, ну скажи, сколько ты платишь за лечение?

Видимо, он не впервые обращался с такого рода вопросом и уже успел порядком надоесть, потому что Кондратий несколько раздраженно ответил:

– Артурчик. Я же сказал тебе, это – конфиденциальная информация. Сколько раз тебе повторять одно и то же?

– Кондратий, – не унимался Артурчик, – не в службу, а в дружбу... Я никому не скажу... Я только чтобы сравнить...

– Нет! – однозначно отказался делиться информацией Кондратий.

– А ты, ИВАН? – с надеждой переключился на него Артурчик.

– Артурчик, – Кондратий хитро улыбнулся. – Не приставай к человеку. Он даже имени своего не помнит. А где деньги его, и давно. Что он может заплатить, не зная, где его деньги?

Артурчик, как и ожидал Кондратий, пришел к выводу, что ИВАНА лечат бесплатно. И от этой мысли у него начался озноб.

Вдруг появилась Оля и освободила их от компании назойливого Артурчика:

– Артурчик, мм-м, – сообщила она, – тебе, кажется, звонили, ага, по каким-то делам. Да. Пойди, уточни на третьем посту. Мм-м. Я не совсем уверена, что это правда.

Последнее предложение Оли соответствовало истине, а первые два она придумала, чтобы быстрее избавиться от нежелательного собеседника.

Блажен, кто верует. Артурчик радостно оживился и, труся своим пузом, помчался узнавать, кому это он так срочно понадобился.

– А мы к вам в гости собрались, ага. – Оля сияла от радости. – Вы рады?

Она взглянула на него, потом на Кондратия, давая понять, что ожидает лишь положительного ответа.

Впрочем, делать и так было нечего. Они согласились.

Время «до ужина» было посвящено карточному турниру имени Клары Цеткин «палата № 6 VS палата № 2».

Играли в дурака, разбившись на пары. Оказалось, что он хорошо помнит правила этой игры, имеет даже определенные навыки. Очевидно, умение играть в карты относится к разряду социально детерминированных универсальных знаний, поэтому и сохранилось в памяти вместе с литературными познаниями и прочей, пока не известно какой еще, информацией.

Играли на шелбаны. Турнир проходил азартно и с переменным успехом. От этого все четверо приступили к ужину с красными лбами и незначительными болевыми ощущениями в пальцах. Однако этот малозначительный факт не помешал им уверенно держать в руках столовые приборы.

Колики решили прием вечерней пищи провести в этой же достойной компании, и Оля попросила Колю: «Скажи, пусть нашу пайку принесут сюда». Коля, в свою очередь, попросил персонал: «Будьте добры, принесите наш ужин в палату № 6. Спасибо».

Ужин прошел в теплой и дружественной обстановке. Оля продемонстрировала невероятное умение – есть и разговаривать одновременно. Видимо, сказывался многолетний опыт. Коля же, наоборот – не вымолвил ни слова. В то время как Кондратий и он хоть как-то принимали участие в монологе Оли: первый, добавляя уточняющие детали; второй – задавая дополнительные вопросы, то Коля ел ужин, медленно тщательно пережевывая пищу, и непонятно было, слушает ли он, о чем говорят рядом, да и слышит ли что-либо вообще. Коля, казалось, олицетворял своим живым примером народную поговорку, часто цитируемую родителями: «Когда я ем, я глух и нем». А его сестра, словно в пику, не брату лично, а именно этой вышеупомянутой фразе, ярко представляла совершенно противоположный принцип: «Когда я кушаю, то говорю и слушаю». Оля все время без умолку о чем-то болтала. И было непостижимо, когда же она успевала съесть то, что лежало в ее тарелке.

Из этой болтовни он узнал много интересного. В первую очередь, о коротком, но очень насыщенном участке жизненного пути Коли и Оли. Потом о причинах, приведших их в это лечебное учреждение. Затем о том, что с Кондратием Колики знакомы с детства, хотя тот и старше их лет на пять-шесть, а может и на целых семь. Оля затруднялась точно подсчитать, так как не помнила ни своего возраста, ни возраста Кондратия.

После ужина, к большой радости его и Кондратия, Колики все же удалились по собственной инициативе, и им не пришлось объяснять Оле, что уже немного подустали от ее нескончаемых рассказов. У Коликов была очень уважительная причина покинуть хлебосольную и гостеприимную палату № 6. У них, как пояснила Оля, дел невпроворот – нужно сделать «домашнее задание». Что именно, она не помнит, однако все записано у нее в тетрадке. Короче, психотерапевт загрузил их самостоятельной работой интеллектуального характера над ошибками вчерашнего дня.

– И представляешь, ИВАН, мм-м, к завтрашнему дню, кровь из носу, это нужно сделать, – пожаловалась ему Оля. И он вспомнил ее платье после неудачного чихания, а потом подумал, что выражение «кровь из носу» в Олином случае выглядит более чем убедительно.

Позже принесли Баха.

Они лежали и молча слушали музыку, отдыхая от интенсивного голоса Оли.

Через некоторое время у него в голове всплыл образ графини. Он подтолкнул его к вопросам об этой женщине.

Кондратий знал много и начал делиться с ним имеющейся информацией. Он рассказывал медленно, как бы нехотя.

Поведав о графине, Кондратий перешел к другим участникам группы. Затем порассказал об Антоне Карловиче, Леониде Яковлевиче и об отделении в целом. И в самом конце, уже где-то под вечер, когда за окном сумерки сгустились в сероватую массу, заговорил и о себе. Рассказал, словно сказку на ночь...

Вторая, если не считать случая в школе, попытка Кондратия покинуть юдоль пороков и несчастий была эффектно обставлена, а к тому же имела авторитетное идеологическое обоснование.

Когда Кондратий учился в университете, он увлекся буддизмом. В частности, ему импонировал постулат, что жизнь, тире, страдание, а душа человека вечна, и удел ее состоит в прохождении неисчислимых циклов, дабы достигнуть конечной цели – Нирваны⁷. Кондратию не терпелось как можно быстрее остановить свое колесо Сансары и угаснуть навсегда.

Он продолжил свои искания и выяснил, что животворящие силы его сосредоточены в брюшной полости. Этот восточный взгляд на жизненный центр в корне отличался от западного мировоззрения, утверждающего, что жизненным центром является сердце. Углубляя свои познания о разнообразных восточных культурах, Кондратий в скором времени обратил особое внимание на гордых и благородных самураев. И после знакомства с основами жизненного уклада японской аристократии его осенила простая, но гениальная идея: «Добровольное сэппуку идеально мне подходит!».

В то время Кондратий даже систематически посещал общество японской культуры. Узнав об этом, его родители возрадовались – у сына появилось хобби, а значит, хоть какая-то цель в жизни.

В его доме начали проводиться чайные церемонии, гостям подавали саке и суши, звучали хайку и танка, создавались икебаны и оригами. Для кимоно было отведено самое почетное место в гардеробе.

А параллельно со всем этим происходило то, о чем родители даже не подозревали. Кондратий тщательно изучал ритуал сэппуку, знакомился с техникой его проведения, тренировался с деревянным мечом. Венцом его самообучения стало приобретение настоящего короткого самурайского меча, правда, изготовленного в местах лишения свободы. Последнее, впрочем, не мешало Кондратию чувствовать себя истинным самураем.

И вот он уже был готов воплотить свои мечты в жизнь, то есть в смерть.

Час пробил.

Формальным поводом для добровольного сэппуку Кондратий избрал «искупление ошибок, допущенных в курсовой работе», о чем он и сообщил в предсмертной записке.

Причина эта лишь на первый взгляд мелочна и незначительна. В японской истории имел место случай, когда двое самураев, проходя по императорскому дворцу, случайно зацепили друг друга мечами, из-за чего поссорились и сделали себе сэппуку. Поэтому новоявленный самурай решил, что проваленный курсак довольно-таки уважительное основание для сведения счетов с жизнью.

Конечно, Кондратию хотелось как можно точнее следовать ритуалу и даже, может быть, повторить дзюмондзи гири в исполнении генерала Ноги, который нашел в себе силы и мужество сделать глубокий крестообразный, по форме японской цифры дзю, разрез в животе, после чего до самого горла застегнуть пуговицы своей парадной формы и только тогда уйти вслед за своим любимым императором.

Кондратию также хотелось пригласить кайсаки – секунданта, который отрубил бы ему голову в конце процедуры так, чтобы она аккуратно повисла на небольшой полоске кожи шеи. Катящаяся по полу голова считалась в обществе самураев дурным вкусом.

⁷ Нирвана – на санскрите означает угасание.

Но приходилось учитывать реалии и личные возможности. Поэтому Кондратий выбрал наиболее простой из предлагаемых японской культурой разрез и самостоятельно приступил к исполнению ритуала.

Накануне сэппуку он даже не пригласил друзей на веселое застолье, как положено было сделать настоящему самураю. Кондратий боялся, что они догадаются о его намерениях.

Облачившись в подобающий церемонии народный японский костюм самурая, обмотав часть клинка бумагой васи, Кондратий сел в сэйдза, выпил саке и написал короткую предсмертную песнь:

Курсак провален.
И в траурных одеждах
Сакура в саду.
Стыд невыносимо жжет.
Позор свой смою кровью.

А дальше все по протоколу: удар, горизонтальный разрез слева направо, в конце резкий поворот полукругом вверх, чтобы все увидели его непорочную тибуху.

К удивлению Кондратия, добровольное сэппуку неожиданно закончилось на этапе «удар». Как только он вонзил себе в живот холодную сталь меча, в его сознании всего лишь на долю секунды мелькнуло глубокое сожаление о содеянном. И этого мгновения было достаточно, чтобы рука дрогнула. Затем он просто потерял сознание и позорно упал на спину, держась руками за лезвие меча.

Его успели спасти.

Выписавшись из хирургического отделения, Кондратий по настоянию родителей вынужден был взять академический отпуск и провести значительную его часть в компании врачей как стационарно, так и амбулаторно, интеллигентно беседуя о причинах, побудивших его к самоубийству.

В память о знакомстве с японской культурой и обычаями у него осталась только небольшая цветная картинка, изображающая решительно настроенного самурая перед исполнением ритуала сэппуку: с мечом в руках и с листом васи, украшенным последними стихами, возле его ног. Все остальные предметы, хоть как-то напоминающие о стране восходящего солнца, были безжалостно депортированы родителями из квартиры на свалку. Эта участь постигла даже очень популярный и очень дефицитный в те годы магнитофон «###»

Кондратий закончил свой рассказ, когда луна уже проложила серебристую дорожку в их палате.

Было тихо. Музыка выключилась. Кондратий отключился. И в этой тишине он почувствовал, что день был очень насыщенным и он от этого сильно устал.

Придя к такому выводу, он закрыл глаза и сразу же уснул. И пока спал, увиденное, услышанное, все сегодняшние впечатления бурлили в нем, словно кипящая вода, и прорывались в его сновидения обрывками фраз и лицами людей, строили длинные коридоры, рисовали причудливые картины.

А где-то глубоко-глубоко, хотя, быть может, совсем наоборот, высоко-высоко, летало ощущение удовлетворения: «День удался!».

17-ое июня, вторник

Когда он проснулся, то так же, как и вчера, увидел перед собой картину, висящую на стене. Но, в отличие от дня вчерашнего, он понимал, где находится и почему, а также отчетливо помнил события последних 24-х часов своей жизни.

Чтобы окончательно убедиться в том, что вчерашнее легко воспроизводится в памяти, он как бы оглянулся внутренним взором назад и увидел все происходившее в обратном порядке и в ускоренном темпе, что, впрочем, не мешало понимать суть всех событий. И чем ближе он продвигался к вчерашнему утру, тем тяжелее ему это давалось. Сначала появилось какое-то раздражение, поводов для которого он не находил. Затем пришла некая настороженность, готовая перейти в тревогу, а потом и в страх, готовый взорваться паникой. В конце концов он наткнулся на препятствие – своеобразный непроницаемый барьер. В своем восприятии он почувствовал его как нечто черное, твердое, жесткое, но в то же время бархатистое на ощупь, словно мягкой тканью оббили дерево или железо.

На этом его воспоминания исчерпали себя. Однако знания, полученные до появления амнезии, остались с ним и напоминали о себе, откликаясь ассоциациями на знакомые внешние раздражители: людскую речь, картины, музыку, события и прочее. Он удовлетворенно констатировал этот факт и оставил попытки вспомнить хоть что-то из событий до момента своего появления в 15-ом отделении.

– А может действительно начать новую жизнь? – спросил он себя, и далее его мысли потекли в таком вот направлении. – Имя уже есть. Осталось выбрать себе какое-то занятие, влиться в массы, в общество и... – дальше откуда-то появилась странная формулировка, очень его удивившая, – ...строить мир во всем мире...

Но в данный момент ему ничего не хотелось строить, даже примитивный карточный домик – не то что принимать участие в возведении каких-либо глобально-монументальных сооружений, к числу которых смело можно было отнести строительство мира во всем мире.

Его размышления были прерваны вдруг появившейся настоящей потребностью посетить туалет. Он резко поднялся с кровати, заглянул в свою тумбочку и обнаружил в ней полотенце, зубную щетку и пасту. Прихватив с собой эти неотъемлемые утренние аксессуары цивилизованной части человечества, он направился к двери, чтобы вызвать медсестру.

В душевой фраза «строить мир во всем мире» еще несколько раз возвращалась в его сознание, и чтобы окончательно отогнать это навязчивое сочетание слов за пределы зоны досягаемости, пришлось подыскать ему альтернативу.

Он начал насвистывать первую же вспомнившуюся мелодию. В мгновение ока к его насвистыванию откуда-то издали присоединились звуки губной гармошки, лязга танковых гусениц и беззаботного хора мужских голосов:

O, du lieber Augustin,
Augustin, Augustin
O, du lieber Augustin,
Alles ist hin!

Geld ist hin, Maedl ist hin,
Rock ist hin, Stock ist hin
O, du lieber Augustin,
Alles ist hin!

Старинная песенка на немецком языке воспринималась естественно и сопровождалась подстрочным переводом женским голосом, сухим и без эмоций. Причем голоса как такового слышно не было, но он знал, что голос есть, ведь понимание слов откуда-то пришло:

О, дорогой Августин,
Августин, Августин!
О, дорогой Августин,
Все пропало!

Деньги пропали, девушка пропала,
Пиджак пропал, ценности пропали!
О, дорогой Августин,
Все пропало!

И ему стало весело и радостно, а главное, легко. Может быть оттого, что у него, так же, как и у «Lieber Augustin», уже не было ничего: ни девушки, ни пиджака, ни каких-либо ценностей. Хотя, пожалуй, пиджак обещали вернуть вместе со штанами.

С таким настроением он вернулся в палату. Кондратий к этому времени окончательно проснулся и сосредоточенно наводил порядок в своей тумбочке – вынимал оттуда разные вещи, сортировал их, клал обратно, некоторые выбрасывал.

Он прилег на кровать. Песенка об Августине, в который раз прозвучавшая в его голове, уже начала надоедать, что, в свою очередь, подтолкнуло его к поискам нового объекта, способного дать пищу для размышлений.

Неожиданно этим объектом стала Оленька. Она вошла в палату и с нескрываемым интересом исследователя обратилась к нему:

– Доброе утро. Как вы себя чувствуете?

Он улыбнулся в ответ:

– Хорошо.

– Вы помните свой вчерашний день? – продолжила опрос врач.

Он довольно кивнул головой.

– А позавчерашний? – хитро прищурила глаза Оленька.

Он изобразил кислую недовольную мину, отрицательно повертел головой, а на словах добавил:

– Честно говоря, доктор, именно сейчас и вспоминать-то не хочется.

– И правильно, – подхватил Кондратий. – Позавчерашним борщом сыт не будешь. К чему жить одними воспоминаниями? Ведь впереди видны большие перспективы.

Кондратий слукавил. Он не видел в своей жизни не то что перспектив, больших или малых, а даже понятия не имел, где это «впереди». Доктор не обратила внимания на реплику Кондратия и продолжила разговор с ним.

Его же ответ несколько не удивил Оленьку. Она восприняла его спокойно, лишь пожала плечами, мол: «Как хотите, дело ваше», и сообщила:

– Сегодня после завтрака вас отвезут в диагностический центр. Сделаем вам томографию головного мозга.

– Зачем? – поинтересовался он.

– Чтобы знать наверняка, каковы причины вашей амнезии: органические или психологические.

– Мне кажется... – начал он.

Но Оленька перебила его:

– То, что вам кажется, вы расскажете Ирэне Арнольдшне. После обеда. Она – ваш лечащий врач.

И завершила разговор, сообщив:

– Медсестра за вами зайдет. Будьте готовы.

– Всегда готовы! – бодро и с юношеским азартом ответил вместо него Кондратий.

Оленька развернулась и покинула палату.

Сразу после завтрака, без лишних пауз и заминок, он последовал рекомендациям врача. Наиболее всего в предстоящем обследовании его привлекала поездка. Исходя из слов «вас отвезут в диагностический центр», он пришел к выводу, что придется передвигаться в пространстве с помощью транспортного средства, а значит, он увидит город.

И через несколько минут он уже стоял во внутреннем дворике корпуса возле микроавтобуса «###» последней модели, умело адаптированного именно к потребностям 15-го отделения.

Автомобиль был весь белоснежный, даже окна. Ярко красные полосы на бортах прерывались надписью «Скорая медицинская помощь». На крыше красовались две мигалки. Широкие колеса с литыми дисками и современный тюнинг передней части придавали всему экстерьеру машины уважительную агрессивность.

В салоне находились носилки на полозках с раскладывающимися колесами, два мягких кресла для персонала и некоторая аппаратура для реанимационных мероприятий. Правда, пользовались этой аппаратурой редко, и то лишь электрошоком, и то не для возбуждения деятельности сердца, а совсем наоборот – для усмирения деятельности мозга.

Кроме своей основной миссии, микроавтобус выполнял и некоторые другие, второстепенные, но важные, задачи. В частности, его использовали для поездок на активный отдых, а попросту говоря, для коротких путешествий за город «на шашлыки».

Автомобиль этот приглянулся заведующему в одном из автосалонов города еще в начале сего года. Он сразу и безоговорочно покорило сердце Леонида Яковлевича своими формами, свежим дизайном, просторными салоном и кабиной, простотой в управлении, функциями и возможностями. Не последнюю роль в возникновении у профессора любовных чувств к микроавтобусу сыграло и авторитетное имя завода-изготовителя. И автомобиль обещал отвечать ему взаимностью. По крайней мере, так утверждали цветные рекламные сообщения и работники автосалона.

Единственным препятствием к воссоединению «любящих сердец» стала, как ни странно, цена. Нет, денег не жалко. Для себя не жалко. А вот приобрести такой автомобиль для отделения Леониду Яковлевичу что-то мешало. Он знал – если выделит на него деньги, то его начнет мучить бессонница.

Но, с другой стороны, очень уж хотелось оснастить свою вотчину современным транспортом. К тому же, и на шашлыки сподручней будет ездить.

И бог (или кто-то другой? наверняка сказать сложно) услышал профессорские молитвы (или, быть может, требования?) и 15-ое отделение таки получило в вечное пользование это чудо современной техники. Получило по бартеру. И такая удача одним махом избавила Леонида Яковлевича от амбивалентных вожелений.

У директора сети автомобильных салонов возникли проблемы психического характера. Не у него лично, но надо было что-то решать. И Леонид Яковлевич решил, попросив взамен новенький автомобиль. Директор автосалонов согласился, поскольку такой обмен покрывал все расходы по предоставляемым ему профессорским услугам, плюс даже оставался некий запас, излишек, который можно было использовать в любой момент и в любой форме.

Оленька переговорила с двумя мужчинами, ожидающими возле машины, передала им бумаги и обратилась к нему:

– Вас будет сопровождать фельдшер. Я разрешила, чтобы вас посадили спереди. А то, если будете ехать сзади, – она повернулась и указала рукой на светонепроницаемые окна с красными крестами на них, – ничего не увидите.

Он стоял и слушал.

– Ну, садитесь, – предложила Оленька и открыла правую дверцу автомобиля.

Он уселся на мягкое широкое сиденье. В салоне витал устойчивый запах новой машины и качественной кожи. Передняя панель, отделанная ореховым деревом, пестрила кнопками, датчиками и стрелками.

С двух сторон к нему одновременно присоединились водитель и фельдшер.

Машина легко, плавно и практически бесшумно тронула с места. Широкое лобовое стекло открывало полноценный вид на дорогу и прилегающую к ней территорию.

Быстро проехали по широкой парковой аллее, ворота открылись, и они оказались на тихой боковой улочке с особняками, носившей фамилию Боткина. Ему вспомнилась одноименная болезнь и подумалось, что улицу стоит для гармонии переименовать если не на Дауна, то хотя бы на Альцгеймера.

Улица Боткина вывела их к просторному проспекту, на название которого он не обратил внимания, так как всецело увлекся обзорением окружающего мира.

Города он не узнавал. Все здесь он видел впервые: высотки, перекрестки, светофоры, магазины, рестораны, людей на улицах.

Ехали долго, часа полтора. Водитель часто поворачивал то направо, то налево, а иногда, казалось, даже полностью менял направление движения. И он догадался, что шофер, наверное, получил от Оленьки указание не спешить, а показать пациенту основные достопримечательности города, чтобы освежить его память. К тому же, время от времени белоснежный автомобиль, неохотно замедляя свой бег, увязал в тянучках и пробках. Водитель повиновался общим правилам и нажимал педаль тормоза, хотя имел полное право всюду врубить сирену с мигалками и с легкостью преодолеть затор.

Он получал истинное наслаждение от поездки. Ему нравилось не то что ехать, а как бы пребывать в транзитном состоянии, находиться «между». Покинув пункт «А» с его правилами и задачами и еще не достигнув пункта «Б» с его правилами и задачами, он попадал в это «между», сопровождавшееся ощущением какой-то полноты или наполненности... Он пока не мог точно сформулировать свои чувства, но понимал, что эти ощущения были знакомы ему и в прошлой, или в бывшей? жизни. Этому отрезку времени он даже придумал название, чтобы в дальнейшем не путаться – «до 15-го числа». В общем, было ясно одно – «до 15-го числа» в поездках он чувствовал то же, что испытывает и сейчас.

Но о городе никаких данных в своей памяти он не находил.

Водитель и фельдшер ехали молча. Быть может, они просто почувствовали его состояние и не хотели мешать ему смотреть по сторонам. А радио, настроенное на одну из городских FM-станций, вполголоса транслировало музыку, новости, сообщения ди-джейев и очень органично вплеталось в ткань путешествия.

Диагностический центр в железе, бетоне и стекле воплощал собою оригинальный полет современной архитектурной мысли.

Они подъехали к служебному входу. Большие, стеклянные, автоматически распахивающиеся двери открыли их взорам широкий и светлый коридор. Настолько широкий и высокий, что в него с легкостью бы вкатил, будто в гараж, автомобиль, в котором они приехали. Но, видимо, здесь такой вариант не практиковался, и свой дальнейший путь они проделали пешком.

Фельдшер с бумагами в руках шел чуть впереди. Он, держа дистанцию, следовал за ним, не отставая. А вокруг них активно сновали с целеустремленными взглядами пациенты и работники элитной клиники «###», частью которой и был диагностический центр. Причем празднующихся или рассеянно-растерянных особей он не наблюдал. Вглядываясь в лица людей, проходящих мимо него на костылях и без оных, проезжающих на каталках и на инвалидных колясках, спешащих и медленно идущих, он замечал, что все они к чему-то стремятся, более того – они знают, куда им надо идти. К чему они стремятся, сказать было сложно, быть может, к здоровью, но сам факт наличия у всех единого мотива к движению создавал ощущение участия их в функционировании некоего механизма, конвейера, состоящего из тысяч разных, но согласованно, четко и без сбоев работающих деталей.

Размышляя об этом, он не успел опомниться, как фельдшер уже открывал перед ним дверь с табличкой:

Айсберг Илья Соломонович

Врач-невропатолог

Он вошел первым. Скорее всего, их ждали – из-за рабочего стола ему навстречу поднялся молодой человек в белом халате. Скорее всего, они приехали вовремя – подходя к нему, молодой человек взглянул на свои золотые наручные часы, и на его лице появилось выражение удовлетворения.

Господин Айсберг, слегка картавя, несколько небрежно выговорил «Здгаствуйте» и поздоровался с ним и с фельдшером за руку. После чего взял у последнего бумаги и погрузился в их изучение. Фельдшер, сделав свое дело, удалился. Ему же оставалось только ждать дальнейшего развития событий. Пока врач перелистывал врученные ему документы, он разглядывал Илью Соломоновича. Это был молодой человек лет 35-ти с гладко выбритым лицом и аккуратной стрижкой. Его внимание привлек нос с горбинкой, а также атласный галстук в тон рубашки, украшенный золотой брошью с выгравированной на ней звездой Давида.

Не отрываясь от чтения, Илья Соломонович с уважением предложил:

– Пгисаживайтесь, ИВАН.

Он удивился и сел на кушетку. Доктор вернулся к своему рабочему столу, положил на него только что прочитанные бумаги и, взяв в руки маленький изящный молоточек с рукояткой из слоновой кости, вновь оказался перед ним.

– Откуда вы узнали, как меня... – он сделал паузу, чтобы сформулировать вопрос по-другому, – ну, об имени ИВАН?

Господин Айсберг сложил руки на груди. Он уставился на него, глядя сверху вниз, как на аборигена лишнего цивилизации острова, но все же объяснил:

– В напгавлении написано, что вы – ИВАН Годстванепомнящий. И это, надо сказать, выглядит вполне логично и газумно, если учитывать ваш пгедвагительный диагноз – амнезию. Сами пгидумали или кто подсказал?

– Да вроде сам, – ответил он.

– В пгинцыпе, это можно гассматгивать как подсознательное воздействие на вашу психику социального агхетипа. К такому имени пгидет любой человек, стгадающий амнезией...

– Я не страдаю, – попробовал он сообщить свое мнение по этому вопросу.

Но доктор продолжил, невзирая на его попытку высказаться:

– Неважно. Я о дгугом. Понимаете, любой человек, стгадающий амнезией, на начальной стадии этой болезни пгосто обязан назвать себя ИВАН Годстванепомнящий. Такова клиника. Но! – доктор слегка наклонился вперед, акцентирова на важности того, что собирался сказать дальше. – Но! – повторил он, – этот каждый должен иметь опгеделенный, значительно выше сгеднего, газумеется, уговень интеллекта и сознания. И в этом пгроблема. К счастью, вас она не касается. Вы, я вижу, человек интеллигентный и обгазованный, – на такой оптимистической

ноте довольно завершил свое вступительное слово господин Айсберг и перешел к следующему этапу диагностики. – Хагашо, пегейдем к обследованию.

Последующие несколько минут Илья Соломонович с помощью своего молоточка, приговаривая «Хагашо», тщательно исследовал его реакции, как по обыкновению это водится у его коллег невропатологов: поводил молоточком перед глазами, постучал им по разным частям тела, провел иглой по коже и проделал другие, подходящие для такой ситуации, манипуляции.

Завершив обследование, доктор отошел от него на полтора шага, сложил руки на груди, взглянул на него немного издали, словно скульптор, разглядывающий свое творение со стороны, и только после этого весело сообщил:

– Вы знаете, что я вам скажу? Вы абсолютно здоковы. Да. И не ппрактично здоровы, а именно абсолютно. Это ясно так же, как то, что моя фамилия Айсберг. Но дело в том, что мне не повесят. Мне, опытному вгачу, не повесят. Они хотят вегить какому-то бездушному томогафу, а не мне, доктогу Айсбергу. Пгофессия тгебует. И это тгагично.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.